

ДМИТРИЙ РАСПОПОВ

18+

A detailed illustration of a man with long, dark, flowing hair and a thick, dark beard. He has intense blue eyes and is looking slightly to the left. He is wearing a dark, heavy coat with a thick fur collar. A black leather strap with a silver buckle is visible across his chest. His right hand is raised, showing a silver ring with a large, glowing blue gemstone. The background is a textured, icy blue surface with a large, jagged ice formation behind him.

ТЕНЬ ИМПЕРАТОРА

Тень императора

Дмитрий Распопов

Тень Императора

«Автор»

2014

Распопов Д.

Тень Императора / Д. Распопов — «Автор», 2014 — (Тень императора)

Любовь. Любовь бывает разная. Есть та, что окрыляет и заставляет людей совершать невозможное, а есть та, которая разрушает и обнажает все самое худшее, что есть в человеке. Виконт Анри дю Вaley испытал обе. Первая вознесла его, заставив пробудить магию и поступить на службу Императору, другая родила в нем личность, которая заставит вздрогнуть весь мир. Трепещите враги, падите ниц непокорные — с вами теперь — Тень императора.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Первые шаги	7
Глава 2. Первые испытания	14
Глава 3. Потеря и новая жизнь	20
Глава 4. Семейная жизнь	26
Глава 5. Дворец императора	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дмитрий Распопов

Тень Императора

Пролог

– Анри, подойди сюда! – громкий голос матери ударил мальчику по ушам, словно щелчок плетки. Небольшого роста, с грубо обрезанными по плечи волосами и перепачканный красками, мальчишка испуганно выглянул из своего убежища. Интонации матери не предвещали ничего хорошего. Мечущиеся по дому служанки в поисках младшего господина, могли обнаружить его в любой момент. Третий, а потому самый младший сын графа дю Вaley, принял волевое решение сдаться самостоятельно, пока не начались репрессии.

– Госпожа я нашла его! – Рона, одна из служанок, крепко ухватив его за руку практически потащила в сторону большого зала замка.

Мальчик втянул голову в плечи, его новый костюм подготовленный лучшими портными, специально для этого дня, был безнадежно испорчен. Не был же он виноват в том, что захотелось нарисовать полет ласточки, когда та низко мчалась над землей и ловко огибая препятствия, подхватывала мошек. Он и не заметил когда манжеты и бретельки костюма оказались вымазаны в краске.

– О Боже! – как он и предвидел, матушка была в ярости. Не только потому, что подготовленный заранее шедевр портного был испорчен, но и потому, что времени на его замену просто не оставалось. Граф уже выказал свое неудовольствие тем, что сына до сих пор нет, ведь все это время он был вынужден развлекать гостей байками.

– Вечером будешь наказан! – прошипела мама и схватив его за руку, потянула в сторону зала, – костюм обошелся мне в десять золотых! Что теперь говорить гостям?!

Мальчик молчал, предчувствуя вечерний скандал уже с участием отца. Он ничем не оправдывал ожидания родителей, если старшие Генри и Ричард старались целиком походить на отца, все свободное время проводя с лошадьми и оружием, то семилетний Анри с самого рождения возился лишь с красками.

Уже в три года он мог сносно нарисовать животное, небольшой пейзаж, а в пять довольно неплохо изобразить человека. Конечно же из-за отсутствия учителей до всего этого приходилось доходить методом проб и ошибок, но дело было даже не в этом. Отпрыск военной аристократии рода дю Вaley просто не мог заниматься какой-то мазней! Об этом ему твердили все вокруг, начиная от гневно хмурящегося отца при виде его банок с красками и холстов и заканчивая братьями, которые постоянно его изводили и подначивали. Ему бы вообще не давали красок, если бы не мама, которой нравилось, что сын увлечен чем-то и не требует за собой присмотра. Можно было всегда точно сказать, где он находится.

Граф даже бровью не повел, когда увидел сына в «слегка» запачканном костюме. Он указал на него рукой и представил присутствующим гостям.

– Господин барон, госпожа баронесса, знакомьтесь, наш младший непутевый сын!

– Ну что вы так, господин граф, – запротестовал маленький колобок, в роскошном платье с золотым шитьем и множеством мелких речных жемчужин, которые скрывали швы портного, – очень милый мальчик, пусть и немного запачканный. Нас это совершенно, ни капельки, никак не беспокоит.

– Анри, хочу познакомить тебя с твоей будущей женой, – отец приподнялся с кресла и с теплой улыбкой указал рукой за кресло барона и баронессы, – урожденная баронесса Натали де Кисси, уже сейчас сводит с ума и покоряет сердца. Боюсь даже предположить, что будет через десяток лет.

Гости заулыбались сильнее, видимо им была приятна похвала отца, раз они рассыпались в ответных комплиментах. Из-за стула выглянула девичья головка с большими зелеными глазами и очень милым личиком, она внимательно осмотрела мальчика и снова спряталась за спины родителей.

– Натали! – голос барона стал чуть требовательнее.

Девочка вышла из-за стульев и присела в низком книксене, как это и положено благородной леди.

– Отменное воспитание! – воскликнула графиня, а Анри не понимал, что вокруг происходит и что от него требуется в данной ситуации. Правда, стоило присмотреться к ровеснице, как мир внезапно остановился. Он перестал слышать всех вокруг и видел лишь её перед собой. Ему показалось, что он видит ангела спустившегося с небес, так она была прекрасна. Длинные темно русые волосы были завиты и уложены под бежевую шляпку, которая была кокетливо наклонена вправо. Изумрудные глаза казались такими большими, что в них можно было утонуть. Сердце застучало сильнее и мальчик с ужасом почувствовал, как во рту пересохло, а ноги отказывались сделать хоть шаг навстречу.

Стоящая перед ним девочка была идеалом, с которым боязно было даже заговорить.

– Анри! – строгий голос отца привел его в себя. Видимо отец звал его некоторое время, поскольку вид у него был очень недовольный.

– Подойди и познакомься, как подобает рыцарю!

Мальчик попытался сделать пару шагов, но только одна мысль, что он сейчас подойдет ближе к «светлому ангелу» ввергла его в смятение, он сначала посмотрел на отца, затем на мать, которая также показывала ему что делать жестами.

Рука у девочки была слегка влажной, но очень вкусно пахла, когда он встал на колени и принял маленькую ладошку для поцелуя. Анри не смог сразу определить что это, но явно какие-то лесные травы, поскольку запах был смутно знаком. Задержать руку ему не дали, девочка практически мгновенно вырвала ладошку и сморщила носик, окинув взглядом его одежду. Анри почувствовал себя ужасно глупо, что стоит в коленопреклоненной позе, в испачканном дорогом костюме – недовольство «ангела» острым ножом резануло по груди.

– Мама, а почему он грязный? – она повернулась к родителям и просто спросила то, что взрослые старательно обходили в своих разговорах, – он мне не нравится.

Её слова стали последней каплей, Анри вскочил на ноги и не слушая гневных голосов родителей, бросился бежать, едва не сбив дверьми столпившихся за ними служанок и слуг обоих дворянских семей.

– Ничего, это он от волнения, – попытался сгладить ситуацию граф, когда за младшим виконтом закрылась дверь, оставив всех в недоумении, – Натали и правда красавица, не мудрено, что мальчик потерял голову!

Барон и баронесса зарделись от удовольствия, еще бы, они могли вскоре породниться с таким знатным и сильным родом, как дю Вaley, который правда в последнее время «слегка» обнищал. Конечно же никто про такое никогда вслух бы не сказал, опасаясь ярости графа, но во дворце короля слухи разлетались быстрее почтовых голубей и об этом было давно общеизвестно. Так что мало кому известный род, зато очень богатых купцов, всего поколение как купивших себе титул, но так и не принятых ко двору, заключал выгодную сделку с одним из старейших родов королевства. Всего лишь нужно было повенчать младшего сына графа со своей единственной дочкой. Одним этим шагом сразу врываясь в элиту высшего общества королевства, предел мечтаний для остальных «купеческих дворян». Барон и баронесса темными вечерами придавались мечтами, как они будут отныне вести себя с другими купеческими родами, а также с остальной знатью королевства. Мечты заводили их в такие дали, что трудно было остановиться и все благодаря будущему браку дочери.

Глава 1. Первые шаги

Семь лет спустя.

– Я запрещаю тебе отныне заниматься этой мазней! – граф бушевал и бросал холсты на пол, топча их, – твои братья на охоте, налаживают связи с такими же отпрысками знатнейших семей, а ты заперся в своей комнате и продолжаешь своё занятие! Когда меч брал последний раз в руки? Я устал это терпеть! Все! Запрещу давать тебе деньги на краски и холсты, отныне только на лошадей и оружие! Это моё последнее слово!

Юноша со слезами на глазах смотрел, как в сильных руках отца гибнут его творения, в которые он вложил все сердце и душу. Перечить отцу он не смел, спина еще болела и воспоминания о прошлом проступке были свежи в памяти, чтобы сейчас он посмел открыть рот и сказать против.

– Скажи хоть слово! – отец от послушания сына злился еще больше. Что за мямля рос под его рукой?! От одного того, что ждет такого сына при дворе короля, а ввести его в общество он был должен, все дворяне были обязаны отдавать единственных или младших детей на целых три года, по древнему правилу о заложниках. Первая же дуэль и все, конец младшему сыну графа дю Валей.

– Хорошо отец, – невнятно произнес сын.

Граф махнул рукой и вышел из комнаты, оставив младшего разгребать завалы из порванных картин.

Полгода спустя

– Анри, куда мы идем? – Ида, младшая дочка моей служанки, пугливо жалась ко мне, когда мы проходили темными коридорами вглубь замка. От прикосновений молодого упругого тела у меня волнами поднималась кровь к голове, а ком внизу живота давал о себе знать, начиная явственно выпирать. Я чуть сильнее прижал её к себе и локтем почувствовал прикосновение мягкой груди. Сначала мимолетные касания, затем все явственнее, когда девушка прижалась ко мне. Я вздрогнул, когда мой локоть укололо что-то твердое. Я конечно видел обнаженных женщин, но было это чаще всего либо в потемках, либо в бане, где толком рассмотреть что-либо не представлялось возможным.

– Тихо, нас услышат и ты не увидишь ничего, – я наклонился ближе к её уху и почувствовал аромат тела с терпким запахом кисловатого пота.

– Я боюсь! – прошептала она, когда мы вступили в особо темный коридор, где не горели факелы.

– Осталось совсем не много, – я отвлекал её разговором, а сам был занят совершенно другим, чем первоначально планировалось. Я хотел показать ей свой зал, который нашел бродя по замку. С введением запрета отца я не мог больше рисовать открыто, поэтому поначалу приходилось украдкой накидывать эскизы будущих картин углем, чтобы никто не видел. Когда мне надоело постоянно стирать свои рисунки, я решил найти в замке такое место, куда никто не заходит и там вволю порисовать. Больше месяца ушло у меня на то, чтобы отыскать такое место. Я нашел зал, да такой, что дух захватывало. Муза творчества так захватила меня при виде открывшейся картины, что я тайком пронес часть красок из запертого подвала и тут вволю предался любимому занятию. Самое главное было тщательно оттираться и мыться, чтобы на мне не оставалось ни малейшего следа краски, когда я возвращался назад.

С Идой мы дружили давно, пока её мать ухаживала за мной, я раз за разом тянулся к бойкой и смысленной девчужке, что никак не напоминала мне моих братьев. От них я кроме

побоев и злых шуток в свою сторону больше ничего не видел, они все время посвящали себя «мужским» занятиям и не удивительно, что были любимы отцом и нелюбимы мною.

Когда мы оставались наедине я даже разрешил ей называть меня по имени, девушка сначала стеснялась, и долгое время не могла произносить ничего кроме «господин» и «хозяин», но время разрушило эту баррикаду недоверия и мы подружились. Приходилось правда это тщательно скрывать, так как я себе даже не представлял что было, если о нашей дружбе узнал отец или братья, досталось бы всем. Только представьте себе скандал – сын графа дружит с батрачкой! Думаю Иду сразу же выкинули из замка, вместе с её матерью, так что всегда помня это мы старались быть осторожны.

Я прикрыл её глаза ладонями и провел оставшиеся несколько метров, говоря куда ступать.

– Анри! – у девушки захватило дух, также как и у меня, когда я впервые увидел это место, – это просто божественно!

– Это моё тайное место, не говори пожалуйста никому! – я немного смутился.

Девушка бросилась осматриваться, а я с удовольствием прищурил глаза, думая, что еще можно добавить в получившуюся картину.

Я не знал, откуда взялся в замке этот зал, как пожалуй уже никто из ныне живущих. Наш замок все время строился и перестраивался, так что за века, что графство принадлежало нам, он так разросся, что никто уже точно не знал где и что было.

Так что с большим удивлением я нашел зал, в центре которого находился алтарь, на который днем падало столько света, что он словно светился изнутри. Но больше всего меня привлекло в этом зале то, что я нашел в нем абсолютно гладкие и чистые стены, покрытые красноватым шершавым материалом, очистив который от вековой пыли я смог положить на него краску. Три месяца работы и вот место преобразилось до неузнаваемости, а поскольку моя фантазия не была ограничена ничем, то я размахнулся во всю ширь.

Теперь при дневном свете представала красивая картина цветущего вокруг зрителя весеннего сада. Я постарался с точностью до дерева вспомнить то место у соседей куда мы ездили пару лет назад, тогда я был поражен увидев сотни цветущих деревьев в одном месте. Именно тот сад я постарался изобразить здесь, а распутившиеся цветы с которых вот-вот сорвутся бабочки, пчелы и птицы придавали саду еще большую реалистичность.

– Анри! – девушка бросилась ко мне и обняла, – лучшего я не видела за всю жизнь! Ты невероятен!

Я почувствовал, как в грудь мне уперлись два плотных комочка и осторожно сомкнул руки на спине девушки, прижимая её к себе. Конечно, она не могла не заметить, что вниз её живота упирается мое естество. Не знаю почему, но она вдруг еще сильнее прижалась ко мне.

Я несмело опустил руки ниже и дотронулся до мягких округлостей, девушка вздрогнула, но не отпрянула от меня. Мои руки самопроизвольно стали гулять по её телу, скрытому холщевым сарафаном, спустя пять минут мы оба дышали как загнанные лошади, внизу же живота у меня ломило так, что я думал мне сделается плохо, если я не найду способ избавиться от этой тяжести. Я стал сбрасывать с себя одежду, а Ида сняла свой сарафан, аккуратно сложила его и положила сверху его мою одежду. Мы стояли обнаженные напротив друг друга, причем она старалась не смотреть вниз, я же жадно рассматривал её всю, наконец-то я увидел женское тело во всем его великолепии.

Я протянул руку и дотронулся до её груди, девушка только тяжело вздохнула, но не пошевелилась, тогда я стал слегка сжимать её, задевая упругую возвышенность, которая твердым солдатиком упиралась мне в ладонь.

– Давай ляжем, – тихо прошептала она и я сразу же подчинился, разложив на лежанке, что я устроил для себя в зале для отдыха, нашу одежду и уложил туда девушку. Лежанка жалобно

застонала, когда на неё опустился и я. Мы еще долгое время лежали, прижавшись друг к другу, трогая друг друга везде. Ида гладила меня и ласкала, намного смелее, чем я её.

– У меня сейчас живот лопнет, – пожаловался я на тяжесть внизу, – что нужно сделать? Ты знаешь?

Девушка покраснела, но качнула головой. Затем показала мне, что нужно лечь сверху неё и делать толкательные движения. Сначала я не понимал, но животное начало взяло свое и тело самостоятельно после трех или четырех качков стало действовать как нужно, мой твердый словно камень орган ударялся и слегка проваливался во влажную глубину девичьего тела, вызывая у неё легкие стоны. Слегка изогнувшись, я при следующих движениях стал с силой проникать вглубь. Девушка по до мной стала кричать, а я сразу же испуганно замер.

– Что? Что случилось? – испуганно спрашивал я, стараясь не шевелиться, хотя это было очень трудно, мой орган находился словно в тисках и хотелось двигать им внутри тела девушки все быстрее и быстрее.

Она молчала положила мне руки на ягодицы и несколько раз подвигала ими взад вперед. Поняв, что она хочет чтобы я продолжал, я стал действовать нежнее и мягче. Буквально через два-три движения теплая волна окатила меня с головы до ног и я содрогаясь всем телом, стал выплескивать из себя что-то внутрь Иды. Девушка задышала чаще и громко застонала, помогая мне бедрами. Прижавшись, друг к другу мы лежали немного, и затем повторили еще и еще раз.

Одеваясь спустя пару часов, мы смущались и старались не смотреть в сторону друг друга, почему-то было неловко. Ида внезапно подошла ко мне и встав на цыпочки поцеловала, её теплые и сочные губы были словно мед. Я прижался к ней и стараясь повторять за ней все движения.

– Это наш секрет! – требовательно сказала она, пристально смотря мне в глаза. Я лишь согласно кивнул в ответ, не зная про что она, то ли про зал, то ли про то, что между нами сейчас произошло. В любом случае в замке у меня не было никого, кому бы я мог доверить свои тайны или попросить совета. Даже приходящий на исповедь священник не вызывал у меня доверия, и не смотря на все расспросы и доверительные разговоры, я тщательно скрывал в себе свои мечты и желания.

Так мы стали встречаться. Правда из-за того, что Ида работала по дому, ей не удавалось часто вырываться, но все же когда наши встречи случались, каждое соитие было жарким и страстным. При одном только взгляде на неё я расцветал, жизнь казалась прекрасной и замечательной, незаконченные картины словно по взмаху руки волшебника рисовались сами собой. Когда я смотрел на те стены, которые раскрасил до начала встреч с Идой, они мне казались какими-то тусклыми и блеклыми, новые же рисунки были почти живыми.

Я настолько погрузился в свои переживания и впечатления от новых чувств, захвативших меня, что потерял бдительность, не замечая, что после работы на камзоле остаются пятна краски. Конечно же расплата за небрежность пришла быстро.

В один из дней, когда я находился в зале и настолько увлекся, что пропустил звук шагов, только гневный рык отца заставил меня вздрогнуть и повернуться. Улыбающиеся братья, которые видимо и выследили меня, привели сюда отца и мать, сзади них мелькали любопытные лица слуг.

– Анри! – отец был взбешен, – я же запретил тебе!

– Дарек! – мать была спокойна, – не при челяди.

Отец глянул на неё и подошел ближе, осматриваясь.

– Похоже ты тут с самого начала моего запрета? – поинтересовался он таким тоном, что у меня мурашки побежали по коже.

– Прости отец, – я не знал, что сказать, оставалось только смириться и ждать наказания.

– Дайте пройти, – через тихий шелест переговоров прислуги прорезался знакомый властный голос. Я встрепенулся, епископ заезжал к нам в замок каждое воскресенье и в присутствии него отец и мать меня обычно не наказывали, дожидаясь его отъезда.

– Падре, – отец слегка наклонил голову, репутация епископа была такова, что без консультаций с ним городской совет не принимал ни одного решения. Поэтому мало кто из тех, кто хотел и дальше жить в нашей области решался с ним ссориться.

– Граф дю Вaley, – епископ наклонил голову еще ниже, все же он был гостем в замке потомственного аристократа, – что случилось? Прислуга подняла такой шум, что и я поддался общему настроению.

– Ничего такого, – отец пожал плечами, бросив на меня острый взгляд, – наш младший не смотря на запрет, умудрился рисовать здесь.

Он обвел рукой зал.

Епископ оглянулся вокруг, особенно пристально посмотрел на те стены, которые я разукрасил в последнее время.

– Это нарисовал ваш сын? – удивленно переспросил он, – действительно?

– Да, никак выбить не могу из него эту дурную привычку.

Падре оглядываясь по сторонам прошелся по кругу, он дотрагивался до стен, словно проверяя не обман ли это.

– Граф, можно я нарушу ваш запрет и виконт нарисует лично для меня одну вещь? – внезапно он повернулся к отцу и внимательно на него посмотрел.

– Зачем? – удивился тот.

– Хочу проверить, богоугодный у него талант или нет, – уклончиво ответил епископ.

– Я не понимаю, но извольте, – отец пожал плечами.

– Тогда вернемся назад? Я думаю, ему понадобится больше света.

Затем священнослужитель обратился ко мне.

– Что тебе нужно для того, чтобы нарисовать подобное? – он указал рукой на стены.

– Краски, кисти, – я тоже не понимал, что он задумал, но решил лучшее сейчас было выполнять его пожелания, раз уж он перевел внимание отца на себя, – все есть в подвале.

– Хорошо, – захваченный какой-то своей идеей епископ повел всех за собой.

Переглянувшись, мои родители последовали за ним, послав одного из слуг в подвал за принадлежностями. По пути в гостиную падре передумал туда идти и свернул в мою комнату. Поскольку никто не понимал, что он хочет, народу за нами шло все больше, всем было интересно, что задумал такой значимый человек. В толпе следующей за нами я увидел обеспокоенное лицо Иды, но я глазами показал ей, что все хорошо. Когда она легко мне улыбнулась, на душе стало легче и я подняв голову смело зашел в свою комнату вслед за родными.

– Держи, – епископ подошел ко мне и вручил небольшую икону, размером с ладонь и показал на одну из моих стен, – сможешь нарисовать?

Я удивился, всю жизнь со мной боролись родные не давая рисовать, а тут впервые мне разрешили рисовать в открытую, да еще и на глазах у отца.

– Я раньше никогда не рисовал святых, – я робко пожал плечами, посмотрев на священника, – а если не получится?

– Значит я поддержу твоих родителей, – категорично ответил он, – если твой талант от Бога и богоугоден, то ты сможешь, если нет, то наложу епитимью.

Я понял, что от того, как я сейчас нарисую святого зависела моя дальнейшая судьба, оглянулся чтобы посмотреть на родных, а также найти взглядом любимую. Отец хмурился и кусал губы, мама заинтересованно смотрела, что будет дальше. Ида бросила мне ободряющий взгляд, который придал мне смелости и сил. Подхватив краску и кисти, я внимательно посмотрел на икону, впитывая всю её в себя. Это оказалось легче, чем я думал, довольно грубые черты и мазки было легко запомнить, так что я вернул удивившемуся епископу икону и приступил.

Стоило мне сделать несколько набросков, как волна вдохновения нахлынула на меня и я отключился от всего, в комнате остались только я, стена и святой Аврелий. Я потерял счет времени, стараясь работать быстро. Мне показалось странным, что художник изобразил его слишком сосредоточенным, поэтому парой мазков я сделал его улыбку очень мудрой и спокойной.

Когда я закончил, то отошел от стены и посмотрел на свой рисунок. Мне он понравился, святой смотрел на меня успокаивающе и словно поддерживал меня. Я посмотрел на падре, только ему решать, что со мной сейчас будет. Епископ стоял с ошарашенным видом, переводя взгляд то на икону, то на стену. Различия были видны, но я тогда не знал, что внесение художником изменений в образ святых было категорически запрещено. Хотя как знать, возможно, тогда мое незнание и спасло меня.

– Граф, можно с вами поговорить? – епископ внезапно обратился к отцу, – хочу чтобы присутствовали только мы и ваша супруга.

Отец повел только бровью, как помещение тут же очистилось. Отец подал руку маме, усаживая её на один из стульев. На меня никто не обращал внимания, поэтому я остался стоять.

– Вы наверно знаете, – падре присел рядом с ними, – почему не открыт наш новый собор?

– Я слышала, что мы ждем мастера, который сможет его украсить, – мама была в курсе всех городских новостей.

– Он не приедет, вчера прибыли купцы, рассказали, что нашли тележку и его самого, ограбленного и убитого, в придорожной канаве.

Мама ахнула и всплеснула руками.

– Как же так?! Ведь у нас на дорогах спокойно!

– Я не могу допустить, чтобы собор, который мы строили три года стоял не открытым, старый храм не может вмещать сразу всех желающих и приходится проводить по три-четыре службы подряд.

– Что вы хотите? Чтобы Анри работал в храме? – удивился отец, – дворянин запятнал себя работой?

– Граф дю Вaley! – тон епископа стал подобен зимней стужи, – архиепископ Тернский уже неоднократно интересовался у меня об открытии собора и необходимости его приезда на освещение, что вы прикажите мне ему ответить? У мальчика настоящий талант! Вы посмотрите на его картину, святой Аврелий готов защищать и указывать путь! Я готов взять на себя ответственность и рискнуть, допустив мальчика к собору. Вы же говорите абсолютно недопустимые вещи! Он не будет работать, он просто будет заниматься тем, что ему нравится. Вы только представьте собственный авторитет, когда в городе узнают, кто украшает новый собор? Как на это посмотрят другие дворяне?

Отец распрямил плечи, видимо ему из всей речи священника запомнилось только последнее предложение.

– Дарек, – мама положила руку на ладонь отца, – думаю, стоит приглушаться к словам святого отца. Наш мальчик ведь не будет рабочим, платить ему не будут, он просто будет занят.

– Хм, – отец задумался, – если только так. А если он не справится? Если все испортит?

– Заново отштукатуриremos стены и будем ждать подходящего мастера, – епископ пожал плечами.

Я тихо стоял в сторонке, похоже моего мнения никто не спрашивал, но мне было это и безразлично, если отец разрешит мне рисовать, все равно где это будет.

– Сколько займет по времени? – поинтересовался он.

– Ну обычно на такие проекты уходит от года до двух.

– Я соглашусь только с одним условием, – отец посмотрел сначала на епископа, затем на меня, – если он пообещает каждый день по четыре часа заниматься с оружием. Хочет заниматься мазней – хорошо, но дворянина я из него все равно сделаю, хоть и худого.

У меня от таких новостей сердце едва не выпрыгнуло из груди, я был готов пообещать все что угодно, лишь бы мне разрешили.

- Даю слово отец, – я прижал руку к сердцу.
- Отлично, когда вы хотите начать? – он потерял ко мне интерес и обратился к падре.
- Думаю чем раньше, тем лучше, – епископ повернулся ко мне, – готов начать завтра?
- Конечно! – лучших новостей я не слышал давно.
- Тогда как соберешься, приезжай ко мне.

Заснул я с трудом и с первыми лучами солнца подскочил с кровати, позволил себя умыть, одеть и подхватив сумку с едой, побежал на конюшню. Я хотел начать немедленно.

Я давно не был в городе, мне было не интересно сюда ездить, поэтому новый собор я увидел впервые. Впечатляющее здание с множеством высоких шпилей, возносившихся на многие десятки метров вверх. Забитую дверь входа открыли специально для нас двое дюжих монахов, которые дежурили постоянно рядом.

– Как тебе? – шедший рядом со мной епископ был доволен эффектом, который произвел на меня храм. Это и не удивительно, ведь я исповедовался и молился в замковой часовне, куда больше четырех человек одновременно не помещалось.

– У меня нет слов, – я покачал головой, которая немного закружилась стоило мне только взглянуть под купол собора. Он был где-то далеко-далеко вверху и все вокруг сияло чистотой и белизной.

– Я принес тебе несколько образцов, – он деловито вручил мне десяток полотен, с изображенными на них внутренними убранствами других соборов, – мастера обычно рисуют эскизы и показывают их прежде чем начинать украшать сам собор. Ты так сможешь?

– Попробую, – я был рад самим фактом того, что буду заниматься любимым делом без всяческих запретов.

– Тогда как закончишь, приходи ко мне, – он обернулся и позвал, – Жеррар!

К нам подошел монах очень маленького роста и такой сухой, что казалось его кожа состоит целиком из пергамента.

– Жеррар наш архитектор, он спроектировал и построил собор, так что сначала посоветуйся с ним о будущем рисунке. Договорились?

– Да ваше святейшество, – я слегка наклонил голову, чувство благодарности к этому человеку у меня зашкаливало.

– Тогда я вас оставляю.

Нужно отметить, что первое время мы тяжело сходились с архитектором, он был против любых моих идей и дай ему волю собор так и остался бы девственно чистым. К счастью мы сошлись на любви к искусству, ведь все равно чем заниматься, рисовать или строить, если в конце работы все это приносит моральное удовлетворение. Так и Жеррар, увидев мои законченные наброски сразу же стал критиковать их, но затем втянулся и не пошло и месяца, как мы согласовали с ним проект будущих рисунков внутри храма, а также получили благословление, как епископа, так и архиепископа наших земель. Его мы и ждали большую часть времени, в нетерпении подгоняя рабочих, которые строили леса под самый потолок.

Когда же все согласования и разрешения были получены, работа закипела такими темпами, что я даже ночевать оставался в соборе, выбираясь из него лишь на договоренные с отцом занятия по фехтованию. Я был так занят своими мыслями по проекту, что чисто механически повторял движения инструктора, не задумываясь о том, что делаю. Мыслями я был в другом месте, поэтому едва последняя песчинка песка падала на дно нижней колбы, как я сразу бросал все и мчался назад под осуждающим взглядом своего наставника.

Пока кипела работа, было забыто все – дом, Ида, свои увлечения.

Год спустя

Стоны девушки возбуждали меня все сильнее, покачивание её груди в такт моим толчкам заставили меня еще сильнее схватиться за её бедра и с грудным рыком входить в неё все сильнее и сильнее. Я смог излиться только тогда, когда почувствовал, как мышцы её нутра с силой несколько раз сжали и отпустили мой орган. Едва не закричав от наслаждения я прижался к ней сильнее и чуть подрагивал задом, когда жидкость толчками изливалась внутрь девушки.

Так я простоял несколько десятков секунд, пока дрожь по всему телу не стала успокаиваться, а мой орган не стал уменьшаться и потихоньку выпадать из неё.

– Анри, – девушка потянула меня на себя и я упал на неё, – как мне тебя не хватало! Ты совсем забыл обо мне!

– Ида, – я улыбнулся и погладил её по волосам, на висках мокрым от пота, – ты все простишь, как только согласишься завтра на собор! Приедет архиепископ на его освящение и вечером в нем пройдет первая служба. Тебе непременно надо его увидеть!

– Не думаю, что меня пустят в первый же день, – улыбнулась она, рукой проскальзывая вниз и начиная поглаживать мое опавшее естество, – говорят, что только дворяне и первые лица города будут допущены в день открытия.

– Хочешь, я проведу тебя?! – я вздрогнул, ветерок гуляющий в зале охладил мою мокрую спину, да еще и рука Иды заставляла кровь приливать вниз и я опять почувствовал желание.

– Нет! – она испуганно вздрогнула, – и так достаточно косых взглядов, когда я отлучаюсь куда-то надолго! Еще не хватало им узнать про нас!

– Хорошо, тогда послезавтра обязательно! – я был настойчив. Мне хотелось, чтобы она оценила наше с Жеррамом творение.

Закончив работу, я сразу же бросился к своей любимой, поделиться новостями. Нет, конечно мы встречались и во время работы, но эти встречи были слишком коротки, чтобы целиком насладиться друг другом как прежде. Но она понимала меня и я был счастлив. Впервые в жизни я чувствовал себя живым, работая над чем-то важным и нужным, поэтому когда работа была закончена и лихорадка от работы спала, сразу же нахлынули чувства, отодвинутые ранее на второй план. Вот уже неделю, как мы каждый день предавались плотским утехам, я уже и забыл, как это здорово, чувствовать себя рядом с любимой женщиной.

Ида добила своего и с довольной улыбкой, перекинула через меня ногу, а рукой поправила мой орган, направляя его в себя.

– А-а-ах! – со слабым звуком она опустилась на него и улыбнулась мне, затем закрыла глаза и стала медленно раскачиваться, даря себе и мне медленно накапывающее наслаждение.

Впервые в жизни я видел отца довольным мною, в огромной толпе прибывших посмотреть на новый собор я увидел и тех, на кого он посматривал с нескрываемой радостью и тех, при виде которых он горделиво расправлял плечи. Ведь все стояли внизу, слушая речь епископа, я же, как один из участников строительства стоял наверху. Конечно же во всеуслышание было объявлено, кто работал над собором и кто украшал его. Стоять и сверху вниз видеть обращенные к тебе лица, было необычно, но очень приятно. Я чувствовал себя словно птица, впервые вставшая на крыло, казалось вот еще одно мгновение и я взлечу.

Еще больше восторгов было, когда в освященный собор стали запускать людей. Ох и ахов было столько, что даже отец удивленно посмотрел на меня, но ничего не сказал, матушка же прослезилась и горячо обняла. Это поистине был лучший день в моей жизни.

Глава 2. Первые испытания

– Помо... – девичий крик, захлебнувшийся сдавленным хрипом, заставил меня вздрогнуть и окатиться холодным потом. Этот голос я узнал бы из тысяч, кричала Ида.

Я бросился туда, где его услышал и по шуму раздававшейся борьбы нашел угол конюшни, где два моих брата хохоча и глумясь, раскладывали любимую на полу. Сарафан был уже порван, штаны Ричарда были спущены и он коленом раздвигал ноги бьющейся под ним девушки.

– Да успокойся ты, – смеясь, отвесил он её пощечину, – ты сама узнаешь, как это хорошо, почувствовать настоящего мужчину!

– Бей сильнее Рич, мы так тут до утра провозимся, – скушаяще прокомментировал его действия Генри.

Словно пелена опустилась мне на глаза и я бросился на братьев, размахивая кулаками несколько раз ударил Рича и Генри, стаскивая первого с девушки.

– Дибиленок, ты сбесился что ли? – они отошли от меня и посмотрели в мои взбешенные глаза, – давно тумак не получал? Брысь отсюда, мужчины делом заняты.

– Сами уходите! – я хотел прокричать страшно и грозно, но получился едва слышимый мышинный писк. Все-таки братья были сильны, высоки и широкоплечи, а их постоянные трепки заставляли меня опасаться их. Но сзади меня была плачущая девушка, при одном взгляде на которую у меня снова вставала перед глазами красная пелена ненависти.

– Похоже наш оборвыш решил стать рыцарем, – засмеялся Ричард, доставая грабли и ломая их пополам одним ударом о колено. Одну часть он взял себе, вторую протянул Генри.

– Нужно его проучить, – согласился брат и они расходясь, стали приближаться ко мне с разных сторон.

– Какие же вы рыцари, если вдвоем на одного? – от злости и ненависти у меня прорезался голос и я смог придумать хоть что-то, что их остановило.

– О, так ты и правила знаешь? – удивился Ричард, – хорошо, хватит меня одного!

Он сделал быстрый прыжок и замахнулся на меня палкой, я же будучи в полубреду даже не успел ничего подумать, как тело все сделало само. Как учил наставник, я сделал шаг в сторону, пропустил удар рядом с собой и с силой ударил нападающего кулаком по затылку. Брат кулем упал на пол и не сразу поднялся с раскровавленным лицом и текущей из носа кровью.

– Мочи его Генри, – прорычал он и бросился ко мне, когда поднялся и понял, что весь испачкан в собственной крови.

От двоих таких противников мне было не убежать и не уклониться, поэтому после множества ударов по голове я вскоре потерял сознание.

Холодная вода привела меня в чувство и я мутным взглядом огляделся. Правый глаз практически не видел, ребра и руки страшно болели. Я сразу почувствовал, что стою привязанный к стойлу с заткнутым ртом. Стоило мне посмотреть вперед, как волна ненависти и боли снова захватила меня. От своего бессилия оставалось только кричать, надеясь, что нас обнаружат, но проклятый кляп не давал мне даже такой возможности. Я попытался дернуться, веревки еще сильнее впились в мои руки и тело. Совершенно не чувствуя боли я дергался и кричал, стараясь вырваться и прекратить то, что сейчас они хотели устроить.

Братья перекинули Иду через бревно и связав ей между собой руки и ноги методично насиловали безвольное тело. Она даже не вздрагивала, когда они менялись и посмеиваясь посматривали на меня.

– Тебе не кажется Генри, что нас монашек слишком уж активничает, – внезапно Ричард, который был смышленнее брата, внимательно посмотрел на мои дергания и выпученные от ненависти глаза, – может быть у них что-то было? Как думаешь?

– Слушай, а ведь правда, мне говорили конюхи, что у ней кто-то есть, но явно не из челяди! – брат посмотрел на меня с удивлением и усмешкой, – ты посмотри Рич, кто бы мог подумать?! Монашек её распечатал!! Ведь она и правда была не девкой, когда досталась нам.

– Действительно говорят, в тихом омуте черти водятся, – братья гулко рассмеялись, – а я-то думал, чего он взбеленился из-за неё?

– Думаю нам стоит выказать ему полное уважение и отыметь её везде, как думаешь? А он пусть смотрит.

– Можно вообще вдвоем сразу это сделать, – хмыкнул брат, не смотря на мои судорожные рывки, – давно хотел попробовать, да сговорчивой девки не находилось.

– Ну наша-то сейчас на все согласна, – заржал брат и с силой ударил Иду. Та даже не шелохнулась, правда дернулась лишь однажды, когда братья стали пристраиваться к ней сразу оба.

Я хрипел и дергался, грыз кляп, но так и не мог освободиться. Силы стали покидать меня, но я все равно старался выпутаться и наброситься на них. Финал их расправы над девушкой я уже не помнил, передо мной появилось красное марево, пеленой окружившее меня и я помнил только свой дикий крик, когда смог перегрызть кляп и освободив рот закричать в полную силу легких.

– Доктор, что с ним? – голос матери казался, исходил откуда-то издалека. Так далеко, что я его едва слышал.

– Сильнейшее нервное истощение, – незнакомый голос также говорил глухо, – я провел полное исследование его организма, сильно истощив ему ауру, так что еще некоторое время он будет очень слаб.

– Анри, ты слышишь меня? – только открыв глаза понял, что это я плохо слышу, поскольку она и неизвестный мне человек, стояли вплотную к моей кровати.

– Анри?!

Я с трудом мог говорить, было такое чувство, что меня переехали телегой, поэтому напрягая голос, я попытался сказать главное, что меня сейчас интересовало.

– Ида, что с ней?

– Кто это? – удивилась мама.

– Девушка, которую насиловали братья! – воспоминания острой иглой ударили мне в сознание и последнюю фразу я прокричал, – я убью их! Где Ида?

– Успокойтесь больной, – маг протянул ко мне руку и едва коснулся как я же сразу обмяк, не в силах пошевелиться.

– Анри! – забеспокоилась мама, – тебе нельзя волноваться! Успокойся! Доктор!

– Что с Идой! – меня было не остановить, красная пелена снова вернулась, и я уже плохо соображал, что происходит.

– Да скажите же ему наконец! – не выдержал маг, – все лечение будет зря если он сейчас надорвется!

– Сейчас узнаю, – мама бросилась за дверь, поспешно раздавая указания.

Она вернулась через несколько минут.

– Успокойся Анри, с ней все хорошо, – она быстро говорила, видя мой полубезумный взгляд, – отец рассчитал её с матерью и отправил в город. Даже десять золотых дал сверх положенного!

– Я хочу её увидеть! – категорично заявил я.

– Ну уж нет, молодой человек, – снова вмешался в наш разговор маг-целитель, – если вы сейчас не успокоитесь я вынужден буду вас надолго обездвижить, выбирайте!

– Анри, успокойся! – мама села на мою кровать, – если для тебя это так важно пошлю в город кого-нибудь, они узнают о ней.

– Мама, пожалуйста! – я готов был целовать ей руки, чтобы она выполнила своё обещание.

– Только уговор, – она строго на меня посмотрела, – слушайся доктора!

– Хорошо! – я был готов обещать все что угодно.

Два месяца спустя.

Я посмотрел на свои руки, на запястьях оставались шрамы, а кожа не спешила затягивать багровые рубцы. Пытаясь тогда вырваться я начисто срезал себе кожу до мяса, но это меня волновало сейчас слабо. Ида, моя девочка, моя любовь пропала. Точнее они с матерью уехали из города, как только оказались там. Они сразу наняли повозку и уехали через западные ворота в неизвестном направлении, вот все что удалось мне узнать. Расспрашивая всех кто мог видеть или слышать о них, я узнал только то, что девушка старательно куталась в плащ, скрывающий её с ног до головы, а её мать с красными глазами предлагала большие деньги, лишь бы уехать в тот же день.

Моя жизнь была кончена, молодое тело поправлялось, заживляя рубцы, а на душе было пусто и гадко. Я не смог защитить её, не смог помешать братьям сделать ей больно. После выздоровления я порывался пару раз свести с ними счеты, один раз даже почти успешно проткнул Генри бедро, чуть-чуть не достав до живота. Отец обеспокоился моим состоянием и сначала запирали меня в комнате, стараясь изолировать от братьев, а затем и вовсе отправил их в гости к родственникам, чтобы мы не поубивали друг друга. Никто кроме братьев не понимал, почему я так переживал и не мог простить им их преступления, все говорили.

– Ну подумаешь, побаловались с девкой, от неё же не убудет.

Братья же знали и молчали, лишь пожимая плечами, словно говоря, что «монашек просто сбредил». Лишь после второго случая отец отправил их подальше, видя что кто-то может умереть, если нас оставить в одном месте.

Я выздоровел и твердо решил найти Иду, пусть даже ради этого придется уйти из дома.

Месяц спустя.

– Ваша милость, мы едва вытащили его из той дыры, – егерь склонился перед графом, – еще немного и могли не успеть.

Я в грязной, дырявой одежде с чужого плеча стоял рядом, не шевелясь. Мне было все равно на угрозы и крик отца, я пятый раз сбегал из дома. Первый раз я дошел до соседнего города по следам своей любимой, правда там они отпустили нанятую телегу и прибились к какому-то купеческому каравану, что уходил на юг. Так что я потерял много времени пока смог узнать об этом, а также выяснить дорогу по которой они поехали. Я смог даже поговорить с некоторыми людьми, которые видели Иду и её мать, они подтвердили, что с ними было все хорошо, хоть девушка была очень грустной. Отправившись по указанной дороге я прошел всего пару дней, но был перехвачен ловчим отрядом егерей отца.

Все последующие попытки побега заканчивались одинаково, теперь зная где меня искать, егеря тратили на поиски немного времени, а я не мог состязаться с ними – и они находили меня везде – и в лесу, схороненным в листве и в самом последнем грязном трактире. После третьей попытки что-то внутри меня надорвалось и я просто сбегал потому, что не хотел оставаться в замке. Потеря любимой девушки легла тяжёлым камнем вины на сердце, желания жить не стало, не говоря уже про все остальное.

Полгода спустя

– Я никуда не поеду, – я лежал на кровати и бездумно смотрел в потолок. Мама только что сказала, что нам нужно ехать в замок барона де Кисси для помолвки с будущей женой, так как ей вчера исполнилось четырнадцать лет. По договору родителей на следующий же день они планировали помолвку, чтобы заявить всему высшему свету об объединении наших семей.

– Анри! – матушка повысила голос, – это не обсуждается! Или мне позвать отца?

Я лишь безразлично пожал плечами, в подобном состоянии я пребывал все последнее время.

Час спустя, выпоротый отцом, я молча протягивал руки слугам, которые одевали меня и готовили к выезду.

– Я прошу тебя, – мать стояла рядом и заламывая руки пыталась до меня достучаться, – будь ласков с девочкой. Для неё это такой стресс, вы ведь не виделись больше семи лет, я помню как сама волновалась, когда меня готовили к первой встрече с твоим отцом. Анри?! Ты слышишь меня?!

– Да мама, – ответил я, лишь бы меня не трогали.

– Обещаешь хорошо себя вести и быть хотя бы не таким молчаливым? Ты ведь кстати так и не написал ни один портрет из тех, что я просила? Нельзя отказывать графине Ельской, нарисуй хотя бы её!

Смена одних тем на другие была для мамы обычным делом, но мне было все равно, я не собирался себя хоть как-то вести, все что я хотел – это чтобы меня оставили в покое.

– Мне не нравится рисовать, – нужно было хоть что-то ответить, поскольку она требовательно на меня смотрела.

– Да как так, – тон стал намного холоднее, – то тебя не остановить было, изрисовал все стены в замке, то не нравится. Анри, мы приедем и ты нарисуешь этот дурацкий портрет графини, я не могуечно ей говорить, что у тебя меланхолия.

Я ничего не ответил, чем снова вызвал неудовольствие матери. Что я мог ей сказать? Что когда я беру кисти и краски, то ничего не чувствую? Что в сердце не рождается ничего, что раньше давало мне творить и получать от этого громадное удовольствие? Думаю, она не поймет, как в общем-то и никто в замке не понимал меня никогда, кроме одного человека.

– «Какой был смысл одеваться? – думал я, позволяя слугам тщательно меня очищать, – одна поездка и все в грязи, если бы не плащ так и вообще можно одеваться только при приезде на место».

Когда они закончили, я дождался родителей и уже с ними прошел дальше.

– Анри! – мать строго на меня посмотрела, – обещай мне быть вежливым!

Я пожал плечами, откровенно врать мне совершенно не хотелось.

– Дорогой! – мама как обычно в такие моменты моего сопротивления обратилась к отцу, а у того разговор всегда был коротким.

– Приедем домой, высеку.

Вспомнив, что спина не зажила после сегодняшнего, я не стал искушать судьбу.

– Хорошо сударыня, я постараюсь быть милым.

Бросив благодарный взгляд на отца, мама зло сжала губы, когда подтолкнула меня вперед, где нас уже ждали. Барон и баронесса, похожие на два круглых шарика и их дочь, моя будущая жена. Прошлый раз наше знакомство было совершенно мимолетным и все что я помню, это робость и последующий свой побег перед красивой девочкой. То что предстало передо мной сейчас я не смог описать словами, юная девушка была просто прекрасна. Сложная прическа с выпущенным завитым локоном, грациозное платье, скульптурное лицо и что я сейчас только что вспомнил, прекрасные глаза глубокого изумрудного цвета. Я вспомнил, как они поразили меня прошлый раз.

– Ваша милость, графиня, – чета баронов подошла к нам, сияя как новенькая упряжь, – мы счастливы, видеть вас.

Отец чуть растопил свою холодность и приветливо улыбнулся в ответ.

– Взаимно барон. Взаимно.

– Наконец настал этот день и мы сможем объединить наши семьи. Натали так долго ждала этого дня, так готовилась. Ваш сын по настоящему вырос, окреп, скоро станет настоящим де Валей! – треща без умолку баронесса подхватила мать под локоть и повела к дочери. Я видел, как она слегка скривилась от проявления такого мещанства, но промолчала, еще бы, на прошлой неделе отец рассчитал последний десяток наемников, что служили нам, оставив лишь моего инструктора, занятия с которым продолжались до сих пор. Чтобы не оставлять замок совсем уж небоеспособным, он начал тренировать десяток деревенских увальней, которых отец набрал в последней деревне, принадлежавшей роду. Остальные земли были розданы должникам, также начали увольнять и других слуг, оставляя только ключевых, без которых не мыслима жизнь аристократа. Я пока сильно не задумывался об этом, ведь родители диктовали мне что делать не обговаривая со мной финансовые вопросы. Если говорить честно, то меня просто решили поменять на богатства семьи де Кисси. В то время когда я был мал, это были лишь предварительные договоренности, но после последнего происшествия отец открыто мне сказал, что раз с меня пользы нет, то хоть так поработаю на благо семьи.

– Баронесса, – не смотря на то, что девушка была прекрасна, прошлой робости больше не было. Я говорил спокойно, кроме Иды для меня больше не существовало девушек, поэтому я поклонился и лишь едва дотронулся губами до вкусно пахнущей протянутой мне руки.

– Виконт, – я заметил, что девушка прикусила губу, когда я выполнил обязательный ритуал и отошел от нее, молча встав в стороне.

– Натали! – баронесса строго посмотрела на дочь, и та недовольно переглянулась с ней, но все же направилась ко мне.

– Как дорога виконт? – вежливо улыбнулась она.

– Может быть пройдемся? – я решил расставить все точки над «и», чтобы прекратить совместные муки, явно же было видно, что девушка не хочет со мной общаться, – покажете мне ваш сад?

Она удивилась, но тем не менее получив согласие родителей, приглашающе указала вее-ром путь. Две служанки неслышными тенями скользнули вслед за нами.

Я постарался отойти и встать так, чтобы кроме девушки меня никто больше не услышал.

– Баронесса я предлагаю нам договориться, раз этот брак неизбежен, – едва я стал говорить, глаза девушки радостно приоткрылись.

– Продолжайте виконт, я вас слушаю.

– Для всех мы делаем вид, что все хорошо, но не будем нести перед друг другом никаких обязательств, я со своей стороны совершенно на вас не претендую.

Может быть я сейчас и порол горячку, но почему-то тогда я думал, что мои чувства к Иде на всю жизнь и менять их на отношения с неизвестной, хоть и прекрасной во всех отношениях незнакомки я не собирался. Сердце было против предательства.

– Отлично, – девушка очень обрадовалась моим словам, – все равно до брака еще не меньше двух лет. Многое может случиться за это время.

– Согласен с вами.

Раскланявшись, мы довольные друг другом вернулись в зал, где к удовольствию всех родителей мило проговорили весь вечер. Я спокойно ухаживал за ней за столом, ловя на себе довольные взгляды матери и радовался, что принял верное решение поговорив с девушкой. Мне даже захотелось выполнить обещание данное маме и нарисовать тот проклятый портрет жирной и некрасивой графини.

Когда я об этом ей сообщил, она была на седьмом небе от счастья и пообещала завтра же обо всем с ней договориться.

Глава 3. Потеря и новая жизнь

Год спустя

Я скрываясь от всех, вытирал слезы. Стоявшие рядом отец и братья лишь хмуро смотрели, как гроб с телом мамы опускают в землю, а стоявшие неподалеку слуги так же хмуро провожали глазами тело своей хозяйки. Все случилось слишком неожиданно для всех. Просто в один день мама не встала с кровати и все, сославшись на боль в голове. Приглашенный доктор лишь констатировал, что нужны услуги опытного мага-целителя, он не в силах понять, что с ней происходит. Вызов такого специалиста стоил баснословные деньги, ведь их в наших землях было всего четверо, мы ведь окраинное королевство Империи. Это где-то там, в далеком императорском дворце все как один маги и волшебники, правда таким рассказчикам обычно никто не верил, на все наше герцогство магов набралось бы от силы с сотню, и то сильных среди них было всего десяток, остальные лишь были слабыми их подобиями.

Пока отец собирал деньги, наступив на горло собственной гордости, мама тихо и спокойно умерла. Вчера утром ей обнаружила служанка, на её крик сбежались оставшиеся обитатели замка. Я по случайности проходил рядом и первым оказался у её кровати, оттолкнув ревущую служанку в сторону. Я впервые столкнулся со смертью близкого мне человека, поэтому сначала не понял в чем дело. Слабая улыбка на губах матери, лежавшей с открытыми глазами, была обычной и лишь присмотревшись, я кое-что заметил. Страшная догадка каленой иглой ударила мне в сердце. Я нервно сглотнул, но ком в горле никуда не пропал, мало того я практически перестал видеть комнату, все поплыло перед глазами. Дотронувшись до холодной руки, бессильно свисавшей с кровати, я лишь подтвердил свою страшную догадку.

Тризны по маме по сути не было, собранные деньги были розданы обратно, поэтому оставшихся у отца запасов хватило лишь на скромную трапезу тех, кто все-таки пришел на похороны, пара соседей и баронская чета. Остальные дворяне давно перестали посещать наш замок по понятным причинам, никому не хотелось приезжать в бедный и ветхий замок со стремительно уменьшающимся количеством слуг.

Братья уехали на следующий день, они попали на службу к герцогу Нарскому, который развязал локальную войнушку с соседом, оба хотели показать себя и добыть средства к существованию. Отец содержать их не мог.

Я не вышел, когда они уезжали, память по-прежнему хранила все, что когда-то произошло, даже шрамы на запястьях, темными некрасивыми браслетами сросшейся кожи периодически напоминали мне о том, где я их получил. С тех пор ни они со мной не заговаривали, ни я с ними. Смерть мамы хоть и примирила меня с их существованием, но темная частичка, иногда всплывала, когда я видел братьев и красная пелена ненависти вставала стеной.

Со смертью главной хозяйки, замок и все вокруг внезапно рухнуло, отец ставший сильно пить, запираясь у себя в комнате и появляющийся в общем зале только для того, чтобы наказать попавшимся ему под руку. Тоска и отчаяние захватывало меня все сильнее. Стало так тошно, что хотелось хоть что-то сделать. Проходя однажды мимо закрытого подвала, я вспомнил, что хранил там ингредиенты для красок, смешивая по мере надобности те их них, что были мне нужны.

– «Почему бы и не попробовать», – я пожал плечами и не найдя причин почему мне не нарисовать что-нибудь, отправился на поиски Дарва, слуги у которого хранился ключ. Запретить мне сейчас никто не мог, поэтому я беспрепятственно забрал то, что мне нужно и заперся у себя в комнате, запретив меня беспокоить.

Смотря на чистый холст, слегка пожелтевший и выцветший из-за небрежного хранения в подвале, я думал, что же мне нарисовать. Оказалось, что холста осталось всего три штуки, так что следовало быть экономным. К тому же после того как я отдал ошачливленной графине её портрет, изрядно подретушированный мною в угоду красоты, а не реализма, я больше не брал кисти в руки. Но это были мои проблемы, от занятий с оружием меня никто не освобождал и я верный своему слову, каждый день по четыре часа занимался с наставником. Не знаю, почему я не бросил это занятие сейчас, когда отцу стало все равно на меня, видимо только из-за мамы, ей всегда нравилось смотреть на меня, гремящего во дворе мечом.

Вспомнив о ней, я сразу понял, кого хочу нарисовать. Причем такой, какой я её помнил в своем детстве, когда она была еще молода и привлекала внимание мужчин своей красотой, заставляя отца нервничать и ревновать.

– «Решено, – я кивнул головой, одобряя собственный выбор, – торопиться не буду, мне нужно растянуть это полотно на как можно большее время, будет хоть чем заниматься теперь».

Занимая себя вечерами, я незаметно втянулся и прежние ощущения стали возвращаться. Чтобы прочувствовать их в большей мере я даже посетил собор, который когда-то принес мне столько славы. Странно, но когда я был внутри, я не верил, что всю эту красоту нарисовал я. Все было слишком нереально и божественно, других слов я не мог подобрать.

Так я и понял, что все нарисованное мной до этого на холсте полная чушь, поэтому я закрасил его и начал заново. Закрыв глаза я вспоминал улыбку мамы, разворот ей плеч, обязательный поцелуй на ночь. Сразу после этого как-то самой собой я стал слышать и её смех, видеть её, касаться её рук. Горячая волна изнутри нахлынула на меня, заставив открыть глаза и подойти к раме полотна. Возле него я снова прикрыл глаза и приступил к работе, почему-то не было ни тени сомнения, что у меня что-то не получится или я промажу и выйду за его границы.

Кажется, я пришел в себя только утром следующего дня, когда глаза сами собой открылись и я увидел на холсте точно такое же изображение, как и тот образ, что представлял у себя в голове.

– Получилось!

Я подходил и отходил, смотрел с разных углов зрения, но так и не смог придраться к собственной работе, мама выглядела так живо и естественно, что казалось я вот-вот услышу её голос.

– Вот ты где стервец...

Дверь моей комнаты тяжело бухнула, сбитый тяжёлым ударом запор жалобно повис на гвоздях.

– Опять своей мазней занял...., – пьяный голос отца внезапно прервался, когда он увидел мое творение. Он замер и долго смотрел на него невидящим взглядом, затем подошел ближе и дотронулся до него рукой, словно проверяя, действительно это всего лишь рисунок. Когда он повернулся ко мне, я с удивлением увидел, как по его щекам катятся слезы, плачущим отца я не видел никогда прежде.

– Подаришь мне его? – попросил он меня тихим голосом, смахивая одним движением руки все слезы со своего лица.

– Конечно отец.

Буквально через два дня я пожалел о своем решении, отец стал пить сильнее, хоть теперь и не показываясь из своей комнаты, чтобы погонять прислугу и меня. Он просто запирался у себя и разговаривал с портретом, опрокидывая в себя стакан за стаканом. Похоже, он ушел в какой-то свой мир, навеянный ему вином и выходить из него он не собирался.

Спустя полгода

– Эй, Дарв! – я поднимался к себе, когда услышал голос отца. Неделию назад он уехал в город и обитал там неизвестно где. Я поспешил на его голос, проверить все ли с ним в порядке.

Представшее поразило меня до глубины души. Трезвый отец, одетый в самый свой лучший свой костюм был в приподнятом настроении. Стоявший перед ним слуга в трясущихся от волнения руках держал кошель полный денег.

– Отец? Что происходит? – спросил я, не понимая, что произошло.

– У нас начнется теперь другая жизнь! – он отправил взмахом руки слугу и повернулся ко мне, – зря я все эти годы запрещал тебе рисовать! Представь, только теперь я понял это! Я снимаю с тебя обещание заниматься оружием, можешь рисовать сколько тебе угодно.

Если бы передо мной предстала матушка, я был бы удивлен меньше, чем сейчас словами отца. Что-то действительно произошло серьезное, что он так переменялся.

– Завтра, нет сегодня же садишься рисовать, – он зло посмотрел на меня, – будешь приносить пока пользу хоть так, раз сидишь на шее и ничего больше не умеешь.

Смутные и нехорошие подозрения закрались мне в душу и я тихо спросил, боясь что мои подозрения оправдаются.

– Где мамин портрет?

Отец только рассмеялся мне в лицо и заявил.

– Я его продал, продал, черт возьми за отличные деньги! Ты даже не представляешь, за сколько у меня его купили! Мы тебе богаты!

– Как?! – я едва не упал, мои ноги стали внезапно очень слабыми, – как ты мог это сделать? Я все вложил в него, ты попросил подарить его тебе! Я думал она сможет тебе помочь и ты будешь как прежде!

– Так и получилось, что тебе не нравится? – отец пошел к себе, похлопав меня рукой по плечу, – купцы едва не подрались, давая мне за неё лучшую цену! Так что готовься, Дарва я послал за всем необходимым, будешь мне рисовать такие же картины.

– Я не смогу! – я с вызовом посмотрел на него, – просто не смогу повторить!

– Есть захочешь, сможешь, – засмеявшись шутке, он отправился к себе, – теперь будешь отрабатывать каждую краюху хлеба, что я тебе даю.

Не слушая моего лепета он ушел, оставив меня в ужасном состоянии. Продажа маминого портрета померкла перед тем, в кого он внезапно превратился.

С тех пор моя жизнь превратилась в ад. Все рисунки, что я рисовал не шли ни в какое сравнение с той полуживой картиной, что была нарисована не лучшими красками на плохом полотне. Новые картины были красивы, даже можно сказать безупречны, но души в них не было и они не продавались за ту цену, по которой ушла картина с портретом мамы. Отца это страшно бесило и заставляя меня работать весь день, пытался выжать с меня еще одну такую же. Не знаю сколько ему заплатили, но одно то, что он принял назад почти весь штат слуг и снова наш замок охраняли наемники, можно было заключить, что сумма была действительно огромной. Нас снова стали посещать соседи и жизнь день за днем вроде бы входила в старое русло, если бы не два обстоятельства: отсутствие мамы и полностью изменившийся отец.

– Неумеха! – удар и я лечу в угол, сметая на своем пути все выставленные в комнате картины, – ты хоть что-то в своей жизни можешь делать нормально?!

Звереющий отец надвигался на меня, а я не знал что делать. Бежать?! Защищаться?! Его вывело из себя, что мои картины перестали продаваться, так как все кто хотел, уже купили мои рисунки, остальным же был не нужен никому не известный художник со своими работами.

Когда он ушел, я так и остался на полу. Схватившись руками за голову, я замер.

– «Почему? – думал я, – почему не получается?».

Я несколько раз пытался вызвать в себе то же состояние, что было тогда, но кроме появляющейся головной боли ничего не добился. Тепло по всему телу больше не проходило и рисовать с закрытыми глазами больше не получалось.

Еще полгода спустя

День свадьбы подкрался совсем незаметно. Сначала участились посланники от поместья барона де Кисси к отцу, затем все больше появилось народу у нас в замке. Портные, сапожники, другие мастера, все были чем-то заняты и меня нередко тревожили, примеряя или прикладывая к моей фигуре предметы одежды.

Отец был на таком подъеме, что я боялся к нему подходить. Он с кем-то ссорился, на кого-то орал, с кем-то договаривался и обещал. Я чувствовал себя птицей на заклании, лишь меня никто ничего не спрашивал и не прости́л. Мне отвели свою роль в предстоящем представлении и больше со мной он не считался. Я краем уха слышал, что меня ждет дальше, вместе с женой меня поселят в небольшой особнячок, рядом с имением её родителей и обеспечат рентой из её приданого. Как я понял, отцу тоже что-то перепадает и это что-то его так радовало, что он проходя мимо меня довольно улыбался.

Я за последние два года часто думал об уготованной мне участи, душа и сердце требовали что такая жизнь жертвенной овцы мне совсем не нравится. Я хотел просто уйти из дома, вот только побег в прошлом научили меня только одному – я не умел зарабатывать деньги. В отличие от братьев я не хотел никого убивать, картины мои больше не пользовались спросом, так что только жизнь бедняка останавливала меня от того, чтобы хлопнуть дверью и уйти. Превратится в то, чем был отец после смерти матери или в то, кем он стал сейчас я не собирался, но поскольку других вариантов сбежать от отца, кроме как жениться не было, я решил пойти этим путем, а дальше время покажет.

Хуже свадьбы по расчету может быть только свадьба по расчёту с невестой, которая тебя ненавидит. За эти два года мы ни разу с ней не встретились по вполне понятным причинам, так что я думал увидеть ту же девушку, что и прошлый раз. Как же я ошибся! За эти годы подростковая угловатость и резкость черт превратилось в нечто необыкновенное. Симметричное лицо с чуть выступающим подбородком, чувственные губы не сильно большие, но и не маленькие. Ровные, красивые зубы. Чуть расширяющийся к кончику нос и выступающие щеки несколько не портили её, а наоборот придавали милый и нежный вид. Глаза как обычно притягивали к себе взор, только в этот раз вместо интереса или безразличия они пылали ненавистью. Только присмотревшись к её окружению, я понял вероятную причину её гнева.

Все было банально. Натали стояла в окружении блистательного общества молодых людей, которые подобно Церберам берегли свое сокровище от других. Вот их взгляды были не только угрожающими, но и откровенно враждебными, у меня даже холодок пробежал по спине, когда я прошел рядом. Похоже здесь были не рады её женитьбе и мало того среди этой стайки отпрысков дворян нашего герцогства был тот, кто сам испытывал чувства к моей невесте.

– «А вот и он, – хмыкнул я про себя, когда проходя мимо двух дворян моего возраста, один из них специально подставил свое плечо, чтобы я в него врезался».

– Смотрите куда идете, – тут же сказал он, – не в лесу же.

– Простите, но вы сами подставились, – попытался я объяснить очевидное.

– Похоже в том медвежьем углу откуда ты выполз, не принято было изучать правило хорошего тона, – он сразу же схватился за мои слова, – поэтому не знаешь, что бывает за такую дерзость?

– Барон Жерар, – холод раздавшегося рядом с нами голоса мог заморозить замковый ров. При его звуках молодые люди сразу стушевались, я повернулся и увидел рядом с нами баронессу де Кисси, мать Натали.

– Барон и шевалье вы здесь присутствуете только одной причине, надеюсь вам не нужно напоминать её? – продолжила она тем же голосом.

– Просим нас простить баронесса, мы просто разговаривали с виконтом, – елейным тоном ответил барон.

– Мне будет очень жаль, если вы нас покинете в самый разгар торжества, – ответила она, чем моментально сбила их с настрое и раскланявшись они удалились.

Обернувшись ко мне баронесса тут же изменилась, превратившись в радушную хозяйку. Милым тоном, она воркуя и взяв меня за руку, повела к дочери.

– «Куда я попал?! – с ужасом подумал я, видя все творившееся вокруг, – куда я попал». За то время пока я не виделся с невестой, она превратилась в ослепительную красавицу, на свет красоты которой слетелись воинственного вида мотыльки. Они и не собирались уступать её мне, даже если все давно было условлено между родителями. В том, что вскоре я могу стать изгоем и у местного молодого сообщества я уже не сомневался. Я со своей свадьбой на Натали явно влез в гадюшник и уже чувствительно наступил на пару хвостов.

Подведя меня к дочери, баронесса строго на неё посмотрела. Закусив губу, та взяла мою руку, но даже не посмотрела на меня.

Церемония мне особенно не запомнилась, я шел куда мне говорили, делал то, что велели. Единственное, что я чувствовал, мне нравится Натали, возможно это было связано с тем, что она не обращала на меня внимание и все время делала вид, что насильно выходит замуж. Впервые с потери Иды, меня так заинтересовала девушка, что мне нравилось быть с ней рядом. Конечно ни о каких чувствах речи пока не шло, но... Все же сердце мое нервно начинало постукивать, когда я касался её руки.

К тому же сказалось длительное воздержание. Его было не выдержать, поэтому я время от времени сам доставлял себе удовольствие. Просто, чтобы утром можно было спокойно встать, без цепляния органом штанов и всего остального. На тех служанок, что остались в замке я без содрогания смотреть не мог, да и затасканные они были остальными по самое нельзя.

Вот и сейчас, держа за руку девушку, чувствуя её запах, я испытывал растущее против своей воли возбуждение. При словах «можете поцеловать невесту» я испытал нервную дрожь, когда девушка приблизила свое лицо ко мне и быстро коснулась крепко сжатыми губами моих губ. Больше я не успел ничего сделать, она сразу отпрянула.

Дальнейшее вообще было для меня ненавистно, поскольку я из-за отца вообще ненавидел алкоголь во всех его проявлениях, не хотел превращаться в тупую скотину, что жаждет только еще больше поила. Так что я сам не пил, и со стороны смотрел как чинное сообщество со временем все больше раскрепощается и скоро уже зазвучали речи о старых обидах и недовольствах соседями.

Меня с теперь уже законной женой выпроводили в специально отведенную комнату. Когда дверь наконец закрылась, мы остались одни.

Девушка кидая на меня осторожные, но большей частью недовольные взгляды, села на кровать одетая и затихла.

– Мы будем спать? – поинтересовался я у нее, зная, что должно было произойти этой ночью.

– Я не дам тебе к себе прикоснуться! – твердо заявила она, – и мне все равно, что будет. Я стала твоей женой, как и хотели родители, но меня ты не получишь!

– И как это будет?! – удивился я, – как ты себе это представляешь?!

– Мне все равно, я тебя ненавижу и раз моя жизнь теперь отравлена, я отравлю и твою.

– Похоже тот барон, как его там, Жерар по моему, тебе приятнее намного, – я был ошарашен такое отповедью и нагрубил ей.

Девушка моментально вспыхнула, щеки и даже часть её шеи покраснели, даже свет свечей не мог скрыть этого.

– Это не твое дело, – отрезала она, – вообще все что касается меня, не твое дело! Получил деньги с моего приданого и катись отсюда.

Я понял, что смысла дальше с ней разговаривать нет. Что делать в такой ситуации я тоже не знал, не идти же в конце концов к родителям жены и требовать от них, чтобы она исполнила свой долг. Вообще конечно можно было взять её силой, но после того, как с Идой обошлись братья, такой вариант был для меня не приемлем. Так что под настороженный взгляд жены я обошел кровать с другой стороны и сняв только сапоги, лег спать. Завтра мы должны были поехать в свое имение, там посмотрим, что можно будет сделать. Закрыв глаза, я постарался уснуть не смотря на такое недружелюбное соседство.

Зашедшие утром похмельные родители Натали застали именно такую картину, я спящий на кровати в одежде и их дочь, также спящая одетая, только в кресле.

– Натали! – тут же вскипел барон.

Девушка тут же проснулась и попыталась подняться. Видимо затекшее в неудобном положении тело ослушалось её, потому она лишь вяло плюхнулась назад.

– Я вам говорили, что не отдамся ему! – наконец прокричала она, на нападки родителей.

– Уважаемый барон, глубоко почитаемая баронесса, – крики не могли не пробудить меня и я решил вмешаться.

Все сразу затихли и посмотрели на меня.

– Я не вижу в этой ситуации ничего страшного. Если мы сегодня поедем с женой в наше имение, то рано или поздно её сердце уступит воле таких замечательных родителей. Прошу не ругайте сейчас её.

От моей речи казалось, были в шоке все и хозяин с хозяйкой, да и сама девушка. Барон нервно похмыкал, посмотрев на жену.

– Это теперь наше семейное дело и ваших договорённостей с отцом это никак не коснётся, я обещаю, – заверил я их.

– Хм, – барон сразу успокоился, видимо его волновало только это, – ну если вы виконт так говорите, конечно же мы не будем вмешиваться.

– Спасибо, – я улыбнулся им и спросил, – кто хочет завтракать? Я зверски голоден.

Протянув руку девушке я пригласил её, но она не обращая на меня внимания, встала и направилась к себе. Мы же отправились в зал, куда стали стягиваться те, кто вчера умеренно пил и теперь встал рано. Все кругом стали меня поздравлять и поднимать бокалы, я же налив себе яблочного сока, присоединился к ним, хотя мне тоже не помешало бы уединение, было неловко и неприятно.

Глава 4. Семейная жизнь

Я так и не услышал слов благодарности от неё, что было обидно. Отпраздновав и оставив гостей праздновать дальше, мы в окружении охраны отправились к себе в поместье. Пять деревень, небольшой железный рудник и красивый двухэтажный дом, приданое Натали, были предназначены только для моего управления. Несомненным плюсом было то, что жили мы теперь всего лишь в четырех часах езды от её родителей, так что проблем с тем, чтобы найти хорошего управляющего не было, барон сам выделил мне такого, заверив, что ему можно полностью довериться. К тому же пообещал сам заезжать к нам изредка и проверять хозяйство, я был за это ему очень благодарен, поскольку мной никто с самого детства ничем кроме фехтования не занимался, я как и многие не умел ни писать, ни читать. Я думал о том чтобы научиться, но все последние годы было не до этого.

Как только мы прибыли, то сразу же разошлись, я отправился осматривать с управляющим поместье, Натали ушла наверх. Вечером же она заявила, что спать мы также будем в разных комнатах. Пришлось мне забирать свои вещи и идти в гостевую комнату, которая и стала моим прибежищем. Неделя прошла спокойно, нас никто не беспокоил, но напряженная обстановка в доме оставалась, я решил просто выждать и не торопить события. Время показало, я ошибался.

Я недоумевающе смотрел на прибывающих всадников, а также парочку повозок. Я возвращался с объезда железного рудника, слушая объяснения управляющего и стараясь вникнуть в процесс добычи и производства железа. Поскольку дома все равно было нечем заняться, то я отдал все свои силы на то, чтобы обучиться у управляющего вести дела. Тот оказался вполне адекватным человеком и профессионалом, так что охотно делился со мной своими знаниями, ничего не скрывая.

– Что происходит? – спросил я у слуги, что принял у меня повод лошади.

– Хозяйка велела организовать званый ужин, приглашены почти все соседи, – ответил тот, пряча от меня взгляд.

Сначала я не обратил на этот факт внимания, только совокупность того, что так поступали почти все слуги, стала наводить меня на нехорошие размышления. Настроение упало еще больше, как только я вошел в зал. Натали окунулась в знакомое общество и снова блистала, раздавая свои улыбки направо и налево, но больше всего меня зацепило то, что она время от времени брала за руку барона Жерара и мило с ним беседовала. Ревность острыми когтями резанула мне по сердцу, ситуация была унижительная и я это понимал. Со мной она спать отказывалась, а с чужим человеком свободно флиртовала, выказывая не лучшее поведение для замужней женщины.

– А вот и сам сэр Медведь пожаловал, – и не подумав убрать свою руку при моем появлении, сейчас лежавшую на талии моей жены, радостно закричал барон. Тот темный кусочек в моем сердце, что родился там после сначала потери любимой, а потом и мамы, снова колыхнулся. Красная пелена легонько коснулась моих глаз, но я постарался успокоиться, не дело так начинать знакомство с местным сообществом.

– Натали, по-моему мы не ждали гостей, – я проигнорировал его, обратившись к жене.

– Я их созвала! – отрезала она, кладя ладонь на руку барона.

– Сэр Невежа, извольте отвечать, когда к вам обращаются культурные люди! – барон сделал шаг ко мне, все тут же раздвинулись оставив нас двоих.

Драться я не боялся. Не любил, не хотел, но не боялся, мне было все равно. Так что я просто спросил.

– Шпаги или что-то другое?

Разговоры вокруг сразу стихли, а барон даже опешил от моего вопроса, недоуменно оглянувшись на стоявших вокруг людей. Похоже он думал, что я и дальше позволю над собой издеваться.

– Настоящие дворяне, выбирают только благородное оружие! – он похоже был уверен в себе. У меня же выбора не было, если я хотел остановить творящийся бардак, нужно было показать всем, что в доме только один хозяин. Мы с ним вышли во двор, чтобы не скользить по натертым каменным плиткам пола в доме, и ногами раскидали камни с небольшой площадки перед домом.

– Мне кто-нибудь займет шпагу? – поинтересовался я у окружающих, своего оружия у меня не было, так как отец не считал меня достойным его ношения.

Кто-то из дворян протянул мне клинок. Поблагодарив молодого человека, я взял его в руку и примерился, сделав пару пробных взмахов.

– «Зубочистка, – резюмировал я свои ощущения, – слишком легкая, слишком короткая, чтобы быть боевым клинком. Похоже, мне достался парадный вариант, главное его теперь не сломать».

У моего же противника клинок был настоящим, тяжелое хищное жало с прекрасным балансом, судя по тем движениям, что демонстрировал мой противник, красуясь перед всеми.

– Ну что сэр Медведь, пора научить вас паре трюков, – с язвительной ухмылкой произнес он, подходя ко мне и становясь в стойку фехтовальщика.

– «Как-то слишком низко, – машинально отметил я в голове его позу, – Клод бы ему по жопе пинка ответил за такую просадку. Но да ладно».

Первые выпады противника я просто проигнорировал, отклоняясь телом от его атак, я боялся, что если мое слабое подобие оружия встретится с его клинком, то оно лопнет как стеклянное.

– О-о-о, смотрите бегать вы умеете, – прокомментировал барон мои действия, вызвав смех у окружающих. Самое противное для меня было то, что смеялась и Натали.

Темный комочек в груди стукнул в такт сердцу, багровая пелена, так старательно отгоняемая мной вернулась и уже не уходила. Ухмылка пропала с его лица сразу, как только он сделал следующий выпад, а я не боясь за себя и шпагу ввинтился в его финт и проткнул ему бедро. К счастью моё оружие выдержало удар, но я почувствовал, что второй будет и последним. Вспомнив о правилах, а точнее о том, что мы их не обговорили, я сделал шаг назад и с удовольствием посмотрел, как противник стискивает быстро белеющие губы и сдерживает стон.

– Мы забыли обговорить условия поединка, – прорычал я сквозь красную пелену ненависти и злости, – бой до первой крови?

– До смерти, подлый вор! – барон безрассудно кинулся на меня, стараясь не наступать сильно на раненную ногу.

Я увидел и его удар и обманку, которую он приготовил, поэтому просто, как меня учил Клод сделал шаг в сторону и ударил шпагой сверху вниз. Мне даже помогло, что она была короткой, поскольку при обычном размере клинка пришлось бы сильнее напрягать руку. Кровь фонтаном ударила мне в лицо, обрызгав также стоящих рядом дворян. Какие— то две молоденьких девушки упали в обморок, едва алая жидкость попала на их платья. Главное же было то, что как я и думал, клинок просто лопнул у меня в руке, рассыпавшись на несколько частей.

Барон кулем упал на землю.

– Вам стоит перевязать его, иначе через несколько секунд он истечёт кровью, – пелена отступила от меня, а удовлетворенный темный комочек снова залег подальше в глубины сердца.

– Прошу прощение за вашу шпагу шеваље, – я обратился к бледному дворянину, что одолжил мне свой клинок, – скажите где вы живете, я вам привезу завтра деньги.

– Нет-нет, – пробормотал он, смотря расширенными глазами на то, как моя жена и остальные пытаются остановить кровь, – я не приму от вас ничего!

– Тогда считайте меня своим должником, – я вежливо откланялся ему и пошел в дом.

Возможно, я провел не лучший свой бой, но вот взгляды слуг в доме говорили об обратном. Все как один не отводили от меня взгляды, и теперь я видел в них то, что привык видеть у себя дома, когда старые слуги смотрели на отца. Страх и уважение.

К моему большому удивлению Натали смогла спасти своего любимца, видимо не зря разорвала на себе низ платья и старательно затыкала дыры до приезда доктора. Для меня эта история не имела никаких последствий, было слишком много свидетелей, которые видели и слышали, что мне сказал барон. К тому же мои слова о правилах выставили меня в хорошем свете, доказательством тому было приглашение от старого барона, отца Жерара, посетить при случае его замок. Это был знак, что на меня не держат обиды.

Общество же просто всколыхнулось от самого факта, что новичок расправился с местным забиякой бароном Жераром, со слов присутствующих легко и непринуждённо, наколол его как бабочку на чужую шпагу, которую и клинком-то назвать было трудно. А ведь он считался лучшим дуэлянтом в нашем герцогстве и неоднократно только ради своей прихоти или насмешки вызывал более слабых противников.

Слава Богу с визитами к нам никто не приезжал, после полученного урока все присылали ко мне приглашения или спрашивали через посыльных о возможности прибыть к нам. Отношения с женой ухудшились еще больше, теперь не имея на меня влияния через своих друзей, она перестала со мной разговаривать и вообще выходить из комнаты. Как мне сказали слуги она часто рыдала, до тех пор пока ей не сообщили, что жизни барона ничего не угрожает, только после этого она стала есть и чуть больше спать.

Меня все бы устраивало в этой ситуации, если бы не одно – я влюбился в неё. Да, вот так вот. Это я понял однажды, когда целых четыре часа маячился перед её окнами, только лишь для того, что бы один раз увидеть, как качнулись её шторы.

Когда я осознал, что я делаю и ради кого, я был поражен, после потери Иды я думал, что не полюблю больше никого так сильно, но вот снова это чувство угнездилося в моем сердце, заставляя меня мучаться по ночам и вяло ковыряться в тарелке. Апатия захватила меня, не хотелось больше ни есть, ни рисовать.

Прошел месяц, прежде чем мне удалось вызвать жену на разговор и то только под тем поводом, что нам нужно поговорить о совместном будущем.

– «Какая же она красавица», – думал я, стараясь унять предательски бьющееся сердце, когда смотрел на Натали. Хотелось её обнять и не выпускать из своих объятий никогда. Её беззащитное выражение лица, когда она подала мне руку, чтобы сойти со ступеней и эта божественно пахнущая кожа – я едва не сдержался и не испортил все, когда попытался сжать её маленькую, узкую ладошку чуть сильнее. Она тут же вырвала её из моей руки и дальше пошла, гордо развернув плечи.

Выгнав всех слуг, я сам налил ей и себе сок. Точнее больше себе, свой стакан она сразу отодвинула, когда я налил в него несколько капель.

– Через два месяца ко мне придет вызов ко двору короля, – начал я, стараясь не смотреть на её чуть покрасневшие от слез, но такие красивые глаза.

Она промолчала.

– Натали я предлагаю заключить хотя бы временно перемирие, – снова попытался я.

– Мне это зачем? – независимо поинтересовалась она.

– Мы обговорим, что можно будет нам делать, а что категорически нельзя, – я пожал плечами, – в качестве жеста доброй воли я разрешу тебя, чтобы твой любимый барон приезжал к нам в дом.

По её удивленно вскинутому взору я многое понял, я знал, что она испытывает к нему определенные чувства, но все же надежда на её порядочность подтолкнула меня к такому решению. Я долго не мог решиться на это, но похоже это был единственный шанс как-то её расшевелить. Я угадал, это сработало.

– И что ты не будешь против, если я приглашу и остальных своих друзей? Не накинешься на них как дикий зверь, чтобы разогнать, как ты сделал прошлый раз? – с вызовом спросила она.

Я снова наступил своим чувствам на горло. Сердце кричало: – «Стой! Одумайся, что ты делаешь! Ты толкаешь её ему в объятия!». Голова же убеждала: – «Она воспитана дворянкой, она не позволит себе такого, лишится девственности с другим!».

– Я люблю тебя, – внезапно даже для самого себя произнес я проклятые слова, ну что мне стоило промолчать!!!

– Что-о-о??? – Натали с ужасом посмотрела на меня, отодвигаясь, словно увидела мерзкое насекомое.

– Это я понял недавно, поэтому и готов пойти тебе на уступки, – я проклинал свой язык и себя, ну зачем!!!

– Виконт дю Валеи, – официальным тоном произнесла она, – чтобы я больше подобной мерзости не слышала от вас в свой адрес!

– «Получил, – даже с каким-то успокоением я хмыкнул про себя, – зато теперь действительно все понятно».

– Все же я предлагаю перемирие, – нарушил я затянувшееся молчание.

– Я подумаю, всего хорошего...виконт, – делая акценты в нужных местах, Натали поднялась самостоятельно, отодвигая протянутую для помощи руку и ушла к себе.

– «Болван!», – только и высказался я в свой адрес после её ухода.

Еще неделя уговоров и стояний под её дверью, чтобы она согласилась. Я был счастлив даже от одной такой малости и носился по дому, словно дикая лошадь. Даже странно было чувствовать то, что мне была необходима такая малость с её стороны. Просто одобрение или кивок головы делали меня сразу счастливым.

Мы договорились, что она будет поступать, как посчитает нужным, если только это не вредит моей и её репутации. На этом мне пришлось настоять и она поклялась на распятии, что сдержит слово.

До прибытия королевского гонца оставался месяц, а я уже собрал все, что мне было нужно: боевого коня, неплохую шпагу, пару новых костюмов и модную нынче широкополую шляпу. Вот и все, что мог себе позволить средне зажиточный дворянин моего уровня. Обычай отдавать сыновей и дочерей ко двору короля был настолько стар, что все уже и забыли, что это была традиция обмена заложниками между королем и всеми сильными дворянскими родами. Отдавая сыновей и дочерей раз в несколько лет на три года, Роды словно говорили: – «Мы верны присяге. Мы верны королю».

Если бы Натали не выдали за меня, она бы тоже предстала перед двором, но теперь, будучи замужней она не могла попасть туда без моего сопровождения. Может быть еще поэтому она так возненавидела меня, что я прервал её блистательный путь на вершину успеха.

Так что в день моего совершеннолетия я буду представлять перед королем свой некогда могущественный и богатый Род. Обычно в этот день устраивался большой пир, ведь детей забирали только из самых знатных семей королевства и одно то, что королевский глашатай в

цветах рода короля прибудет в захудалый уголок, такой как наш, будоражило умы всего дворянского собрания.

Меня просто засыпали предложениями о встречах и возможности посмотреть на это событие своими глазами. Поговорив с женой мы решили, что отказывая людям в такой мелочи мы многих обидим, поэтому съездив к родителям и взяв у них большую сумму денег мы решили пригласить всех, кто хоть что-то значил в нашем герцогстве.

Нужно сказать мы не прогадали, стоя рядышком с женой и вежливо улыбаясь приглашенным, я чувствовал, насколько все довольны. Столько хвалебных слов в свой адрес я не слышал давно, все только и говорили о таком значимом событии и возможности увидеть его лично. Забывшись я даже попытался взять Натали за руку, за что был сразу же награжден злобным взором и тихим шёпотом, который услышал только я: – «Убери сейчас же!».

Сердце трепыхнулось, но я постарался его успокоить, моя любовь горела ярче любого костра и я просто старался не обращать на подобное внимание, хотя было немного неприятно.

По традиции, я узнал об этом от отца, который конечно же тут присутствовал, да еще и с какой-то незнакомой мне девушкой, что гонец прибывает в обычной одежде, затем переодевается у ворот, ожидает захода солнца и с последними уходящими лучами входит в замок или в дом к тому, кого призывает король.

В зале царила гробовая тишина, все смотрели на солнце, которое уже целиком скрылось за горизонтом и вот-вот последние лучики погрузят землю во тьму. В гробовой тишине отчетливо были слышны раздавшиеся четкие шаги и когда все повернулись к двери, я остался один. Глашатай одетый в праздничный наряд, чеканным шагом вошел в зал и подойдя ко мне, протянул мне свиток.

– Я призываю тебя, – сказал он всего лишь одну традиционную фразу.

Я взял из его рук свиток и также произнес.

– Иду за тобой.

Как мне говорил отец, мы не обязаны были отправляться тут же, хотя во времена его деда тот, кому вручили свиток обязан был сразу же следовать за посланцем. Времена изменились и теперь по правилам хорошего тона посланца короля, а ими были только дворяне из уже призванных к службе молодых людей, полагалось накормить, дать отдохнуть и уже на следующее утро отбыть ко двору.

Странно, но меня никто не поздравлял, в зале стояла такая же гробовая тишина, как и перед его приходом. Только поэтому я обратил внимание на то, что цвета одежды «посланца короля» не были его цветами! Цвет одежды посланника был не красным, а серебристо-черным!!! Такой цвет имел только один Род.

Развертывая грамоту, внезапно затрясшимися от волнения руками я увидел подтверждение своей догадки.

« Сим повелеваю, наследнику Рода дю Валея явиться.
Император Варрава».

Я ошарашенно посмотрел на глашатаю, потом на всех остальных. На лицах всех было такое же ошеломление. Вот уже сто лет Император никого не призывал к себе на службу из детей дворянских Родов нашего королевства. Считалось, что мы живем слишком далеко, чтобы наши услуги могли бы понадобиться всесильному Императору.

– Прошу вас к столу или может быть сначала, умыться? – я опомнился первым и сразу же обратился к посланнику, он проделал такой путь, я даже с трудом представлял себе насколько далеко была столица.

С моими словами зал взорвался шумом и гамом голосов, все тут же стали обсуждать событие, о котором будут рассказывать потом и внукам. Глашатаго тут же окружили и вырвали из моих рук заботливые дамы, а особенно молоденькие девушки. Посланник самого императора!!! Что может быть захватывающее??!!

– Какого хрена? – я подошел к отцу и наплевав на стоящую рядом девушку обратился к нему.

– Если думаешь, что я приложил к этому руку, ты слишком хорошего мнения о своем отце, – хмыкнул он, не обратив на мою грубость внимания, – я могу предположить только одну причину.

– Какую же? – удивился я.

– Ты маг, – просто ответил он, – только по этой причине забирают к императору, минуя короля. Только откуда им стало об этом известно, я ума не прилажу. Или ты замечал за собой что-то такое.

Он неопределенно помахал рукой в воздухе, теснее прижимая к себе мгновенно краснеющую подругу.

– Тогда бы братья были уже мертвы, – кратко резюмировал я свой ответ.

Отец скривился, но промолчал, только он и братья знали истинную причину моего поведения, даже матери он тогда не стал об этом говорить, за что я был ему признателен.

– Пойдем, послушаем вестника императора? – обратился он к своей спутнице, – когда еще увидишь человека из Столицы.

Мило мне улыбнувшись, она сверкая любопытным взглядом повела его к посланцу, которого сейчас окружали все. Было видно, что он просто купался в лучах славы своего сюзерена, а ведь он мог быть при дворе императора всего лишь обычным безземельным рыцарем, тут же, на краю Империи он был в эту секунду даже выше нашего короля.

– «Что теперь будет, – задумался я, пока все отвлеклись на посланника, – при дворе короля я смог бы проводить дома некоторое время, если же я уезжаю так далеко, что будет с Натали?».

Меня начало ощутимо потряхивать от всплеска чувств, когда я посмотрел на жену, разговаривающую со своими подружками. Сейчас, когда она была не со мной, она была совершенно другой. Белоснежные зубки раз за разом появлялись, когда она смеялась шуткам, влекущие губы, блестящие и зовущие, что мне с трудом удавалось сдерживаться. Её обнаженные плечи и быстро вздымающаяся грудь постоянно притягивали мой взгляд, я даже встал в другое место, чтобы лучше видеть её декольте. Нежные полушария, видимые самой верхней своей частью, были для меня недоступны в любое время, кроме как сейчас. Ведь она даже одевшись не показывалась мне, пока не приехали первые гости.

Ревность опять резанула своими острыми когтями, как только я представил, что оставляю ее на такой длительный срок одну. Резко стало трудно дышать и я не знал, что делать. Завтра с утра мне нужно было уехать.

– «Нужно будет дать денег управляющему, – нашел я выход, как быть в курсе дел, – пусть пишет мне о происходящем, так я буду хотя бы с запозданием, но все же знать, что происходит».

Последняя неделя была для меня самой тяжелой, чувства к жене били через край, а приближающаяся разлука заставляла делать глупые и порой смешные поступки, вызывающие у Натали только брезгливые усмешки. Я попытался принести ей цветы, но был отправлен обратно, а букет, на который я потратил пару часов, просто разбили о дверь. Вчера я решился на последнее, что в моих силах, я захотел нарисовать её, причем так, чтобы у неё не хватило сил отвергнуть мой подарок.

Я взял холст и попытался в который раз восстановить в памяти то, что произошло тогда, когда я рисовал портрет матери. Встав с кистью и красками, я закрыл глаза. Вспомнил, как

я впервые с ней встретился, как подумал, что она «ангел». Как удивился, увидев её сначала подростком, а потом и своей невестой. Мои чувства по отношению к ней, как я был бы счастлив, если бы у нас наладились отношения. Вспомнил её улыбку и белоснежные плечи, аккуратные щечки, которые чуть выступали, когда она смеялась. Белые полушария груди, до которых хотелось дотронуться и сжать в своих руках. Нежность к жене, чередовалась приступами жестокости, когда приходили и те чувства, которые она показывала мне со своей стороны. В голове все переплелось и я почувствовал то самое ощущение, когда теплая волна с середины груди стала распространяться по всему телу. Я отчетливо понял, какой я нарисую жену – недоступный ангел – вот что я изображаю.

Не открывая глаз, я стал быстро наносить мазки, хотя особенно не спешил, поскольку я точно знал, куда и какой мазок наносить. Закончил я как и прошлый раз, только утром следующего дня. Открыв глаза, я от испуга даже сделал шаг назад. Картинка была настолько реалистичной, что я испугался за свою жизнь. Суровый ангел с лицом и обликом Натали, летел к смотрящему на него, одновременно замахиваясь мечом в атаке. Шириной не больше двух пальцев, но такой же опасный и смертоносный, как и сам владелец. Упрямый, но открытый взор полностью копировал выражение жены когда она смотрела на меня, мне даже показалось, что ангел на картине так же хмурится и кривит губы, как и Натали рядом со мной. Тряхнув головой, я скинул с себя наваждение, ведь это была просто картина.

Она кстати жене понравилась, я видел, как удивленно она вскинула брови, когда я преподнес подарок. Как я и думал, не принять его она не смогла, я сам с большим трудом это сделал. Мне захотелось увезти его с собой, чтобы любоваться ею, ведь мы расставались надолго. Любовь же сказала мне, что я и сам в памяти буду помнить этот портрет, а вот отношения с женой можно попытаться этим подарком исправить. Поддавшись чувствам, я и преподнёс его, заслужив впервые за все время нашего знакомства хотя бы удивленный взгляд в мою сторону.

Я встряхнулся, отгоняя воспоминания, у меня сейчас были другие заботы.

– Дорогая покажи гостям эту картину, – услышал я голос баронессы и вздрогнул, – мы все знаем, что твой муж замечательно рисует, но раз даже ты оказалась впечатлена, думаю там нечто особенное. Зная твою не любовь к подобному искусству, я хочу на неё взглянуть.

Натали зардевшись, послала слуг принести полотно из своей комнаты. Первым на меня посмотрел отец, едва картину принесли и выставили на всеобщее обозрение, он изумленно посмотрел на меня, а я кивнул ему, подтверждая, что это такая же как и портрет мамы. Он покивал головой и пошел посмотреть ближе.

Изумлению многих не было предела, всем казалось, что ангел вот-вот вылетит с картины и устремится в бой, настолько решительным и непоколебимым он казался. Странно, но больше всех удивился глашатай. Едва увидев картину, он сразу же оставил девушек и подошел к ней. Вытянув руку, он приложил к ней ладонь и уже спустя секунду отпрянул, с изумлением и недоверием посмотрев на меня. Остаток вечера он вяло разговаривал с присутствующими, а взгляд его часто возвращался к картине.

Утром следующего дня я попытался проститься с Натали, но видимо вчерашний взгляд превысил её лимит внимания ко мне и она просто не открыла дверь. Сердце сжалось, в глазах слегка защипало, но я взял себя в руки и стараясь не смотреть на её дверь, вышел в зал, где меня уже ждал посланник, одетый в походный костюм.

Молча переглянувшись я удостоился от него удивленного взгляда, он даже посмотрел на лестницу второго этажа, чтобы убедиться в том, что жена меня не провожает, но затем просто пожал плечами и вышел на улицу, решив видимо, что это не его дело.

Первую часть пути мы проделали молча, каждый думал о своем, не отвлекая другого и только две недели спустя, когда мы выехали на прямой как полет стрелы императорский тракт, он впервые заговорил со мной.

– Я смотрю вы молчун виконт?

– Да и вы не слишком-то разговорчивы граф.

Он пожал плечами, копируя мой жест.

– Я хотел спросить вас, кто показал вам, как окутывать магией предметы?

– Я не понимаю о чем вы, – удивился я, – я не маг, ну или не в курсе, что это так.

Мой ровесник как-то странно посмотрел на меня.

– Вообще-то я наверно зря это говорю, но я еще никогда не видел настолько сильной энергетики у магического предмета. Ваша картина фонит так, что у меня мурашки по коже, когда я стою рядом с ней.

– Граф не в обиду вам, – я мягко улыбнулся, – я не понимаю ни слова из того, что вы говорите.

Парень пробурчал что-то неразборчивое и снова замолчал.

Два месяца спустя.

Свиток у меня принял лейтенант стражи на воротах и махнул в сторону правого крыла дворца.

– Сдашь коня, вооружение, переоденешься и обратишься к герцогу ор Валу, он распределит тебя.

Я удивленно посмотрел на него, затем на сопровождающего, то пожал плечами.

– Но меня вызвал император, – попытался возразить я.

Воины на вратах и сам лейтенант засмеялись, видимо я чем-то их сильно насмешил.

– Мальчик, – отсмеявшись, он весело обратился ко мне, – мы здесь все им вызваны и я, и вон те оболтусы, даже конюх на конюшне и тот вызван. Не правда ли маркиз?

Он обратился к крайнему охраннику на воротах, по возрасту выглядевшего как я.

– Да барон, именно так, – хмыкнул тот, спокойно отнесшийся к тому, что ему приказывает младший по сословию.

– Но.. – я был ошарашен, на фоне того, что сказал мой провожатый и помня, как съезжалась молодежь к королю, я думал что меня сразу вызовут к Императору и примут клятву.

– Тебе все объяснят, – лейтенант улыбнулся мне и снова показал рукой направление, – умоляю тебя, не потеряйся, а то попадешь в такую клоаку при распределении, что лучше бы тебе умереть по пути сюда.

Недоумеая и ничего не понимая, я направился к указанному зданию. Все выглядело как дурной сон. Я подошел туда в то же самое время, как раздался сигнал горна и из здания высыпали молодые люди, сплошь одеты в одинаковые серые камзолы.

Недоуменно смотря на меня, они стали быстро строиться, лишь я один стоял как белая ворона, с конем, при оружии и насквозь пропыленный дальней дорогой.

– Так, почему мясо еще не одето, – раздался сзади меня голос в такой тишине, что было слышно даже стрекотание кузнечиков.

Я повернулся и увидел нагло смотрящего на меня мелкого юношу, возрастом не более тринадцати лет, одетого в очень щегольский и даже по виду безумно дорогой костюм.

– Тебя сопля забыл спросить, – огрызнулся я.

Ряды вздрогнули, а я ощутил как волосы начинают вставать у меня на затылке от того, с каким безумным взором они все как один, посмотрели на меня.

– О-о-о, – с каким-то наслаждением протянул мелкий и радостно оскалился, – как же я обожаю свежее, не знающее ничего мясо.

Ряды дрогнули еще раз и отвели от меня взгляд, как только он повернулся к ним.

– А вы у нас значит кто? Позвольте полюбопытствовать? – вежливо обратился он ко мне. Чувствуя подвох, я стал осторожнее.

– Виконт дю Вaley, прибыл по приказу Императора.

– Издалека видимо прибыл? – с ёрничал малец, но я промолчал, видя с каким напряжением все смотрят за нашим диалогом.

– Неплохо бы и вам представиться сударь, – напомнил я ему о такой простой обязанности.

– Да, да. Простите виконт, – мальчишка отвесил мне глубокий поклон и сказал, – как же это я сразу не догадался то.

Вдруг вся веселость мгновенно слетела с его лица и он спокойным тоном приказал подошедшим к нам десятку охране.

– Выпороть. Двадцать ударов.

По тому, как они стали вытаскивать из ножен шпаги, я понял, что шутки кончались. Толкнув плечом лошадь, я сбросил плащ, достал шпагу и кинжал-мечелом, самое привычное для себя оружие. Как показывал мне Клод, самое то, чтобы ломать или отбирать чужие шпаги, если ты не на дуэли с одним противником.

Оружие зазвенело привлекая к себе внимание окружающих, а я старался стоять так, чтобы спину мне прикрывала моя лошадь, не давал противникам зайти мне за спину.

– Крак, – обломила на самом кончике шпага одного из противников, когда я поймал её на зазубрины мечелома и повернул руку одним быстрым движением.

Остальные противники, судя по тому, как одни держали свое оружие явно дворяне, сразу стали серьезнее. Удары посыпались на меня один за другим и только с огромным трудом я мог отводить или уходить от них, пытаясь к тому же контратаковать.

Пять минут, а я уже выдохся и чувствовал, как быстро слабею, множество кровотокающих ран по всему телу еще сильнее ослабляли меня, но я не сдавался.

После удара, пропоровшего мне предплечье, из левой руки выпал кинжал и стало совсем невмоготу. Единственное, на чем я держался, это на боевом безумии, что вызывал во мне темный сгусток моей сущности, что так тщательно скрывался где-то в глубине души появляясь наружу, только после сильных потрясений.

Глава 5. Дворец императора

Я открыл глаза и простонал, едва решив шевельнуться. Все тело не слушалось меня, мало того еще и одна из рук была примотана к телу.

– «Что произошло?», – я попытался вспомнить, как на меня нахлынули воспоминания.

Конечно же десятке опытных бойцов я ничего не смог противопоставить, не смотря на защищенную спину и мечелом. Единственное, что радовало меня, я успел зацепить их всех, кого сильнее, кого слабее, но никто из них не ушел без отметин. Клод мог бы гордиться мной, это точно.

Вместе с воспоминаниями ко мне пришло понимание того, что еще чуть-чуть и я схожу под себя. Попытавшись подняться, я быстро понял свою ошибку. Странно, но все тело не только болело там, куда меня ранили, было такое чувство, что я попал под табун лошадей, поскольку болело у меня все тело.

На помощь мне пришел молодой человек забитого вида, который постоянно втягивая голову в плечи, принес мне железное узкое ведро. Я сразу понял, зачем оно и наконец-то облегчился.

– Эй, – обратился я к нему, – где я?

– В больнице, – тихо прошептал тот, – жаль, что ты пришел в себя.

– Почему это? – удивился я, – я же жив.

– Это ненадолго, – уверенно заявил он, – и угораздило же тебя, поругается с младшим сыном императора.

– Э-э-э, – мне резко поплохело, – он там что делал?

– Он любит приходить на тренировки новичков и лично экзаменует тех, кто ему не понравится. Как ты понимаешь, этого мало кто переносит.

– И что делать? – поинтересовался я.

– Просто ждать и молиться, – парень схватит утку и рванул в сторону двери.

– Как тебя звать то? – я забыл спросить его имя.

– Шевалье де Брю, – крикнул он напоследок и скрылся.

– «Рыцари носят утки! – ко мне в голову пришла тупая мысль, – как такое вообще возможно?!».

Вылечится мне не дали, уже через неделю пришедший самодовольный тип – маг-целитель – выписал меня. Но прежде чем я попал в общую казарму, мне дали двадцать обещанных плетей. Так что на место я попал опять в бессознательном состоянии.

Когда я снова пришел в себя, то наконец-то выяснил, что здесь происходит. Поскольку Родовитых семей в Империи было настолько много, что приходилось вести конкурс на места возле Императора, то была придумана простейшая система. Все прибывающие дети дворян распределялись на работы во дворце. Все, кого я видел, были дворянами. У меня такое в голове не помещалось, как дворянин мог быть слугой?!

Оказалось, что был и другой выход, отказаться служить и выйти из дворца с потерей дворянского титула. Как для себя лично, так и для своего Рода. Любой мог прийти в имперскую канцелярию и отказаться служить императору, в тот же день становясь простолюдином, но обретая видимую свободу.

Именно поэтому все дворянские Рода, что жили рядом со столицей, отправляли сюда только физически крепких и выносливых отпрысков, чтобы не дай Бог, Род мог пострадать от того, что их родич сдался и лишил весь Род привилегий.

Те же, кто выдерживал и проходил все пять лет обучения, выпускались в офицерском звании имперской гвардии, что давало право получить должность практически в любом из

королевств Империи. Вот такая школа выживания была придумана Императором и действовала вот уже пятьдесят лет.

У меня был всего лишь один вопрос: – «Могут ли меня лишить звания без моего согласия?».

Оказалось, что нет. Как бы ни вел себя дворянин, лишиться себя привилегий мог только он сам, личным отказом. Но увидев мою мечтательную улыбку, меня сразу предупредили, что таких как я умников обычно увозили завернутыми в саван домой и год не пробыв тут.

– «Ну это мы еще посмотрим», – решил я про себя.

Две недели спустя, когда я слегка оправился от ран, на утреннее построение я пришел в своем костюме, чем вызвал недоуменные взгляды и попытки отодвинуться от меня, словно отгораживаясь.

Мелкая сопля была тут как тут, мне сказали, что как только я появился, он перестал пропускать занятия с новичками и всегда присутствовал на занятиях с герцогом. Меня от расправы сотоварищами спасала только то, что он был нацелен на одного меня и всех остальных это не касалось. Я сначала боялся, что меня забьют в казарме, чтобы я не выделялся из общей массы.

Мне было в общем-то все равно, лишившись жены и по сути оставив её в руках барона, я стремился вырваться отсюда любыми способами, кроме понятно, что потери дворянства. Ревность съедала меня каждый вечер и я ничего не мог с собой поделать.

– Виконт, – ласково улыбнулся мне мелкий гаденыш, – как мы, да что там, как я лично рад вас видеть.

– Сопле голос не давали, – отрезал я, – ты ведь до сих пор не представился.

После моих слов мне показалось, что даже мухи застыли в полете, чтобы соблюсти тишину. Малец оскалился.

Два месяца спустя.

– Нежнее там, – я стискивал зубы, но старался говорить спокойно и весело, – это мое любимое ребро.

Палач, обтекающий потом на солнцепеке, отбивал мне положенные пятьдесят плетей. Больше было нельзя назначать по уставу императора, что в какой-то мере давало мне шанс на спасение. Правда, весьма призрачный. Стало даже какой-то привычкой для меня выходить на построение и приходить в сознание уже в казарме или больнице. Со мной никто не разговаривал, все боялись даже подходить ко мне, словно я был зачумленным. Хотя признаю было за что, одного из тех, кто попытался мне помочь, тут же наказали плетями, да так, что он до сих пор лежал в лихорадке.

Я не знал почему, но мои раны заживали быстрее, чем у остальных, только багровые рубцы постоянно рассекаемой плоти, портили мне спину, я боялся даже коснуться до неё, настолько там все было плохо. Так что это, да еще то, что у мальчишки просто не хватало фантазии придумывать что-то еще кроме порки и избиений держало меня на плаву. Вот только две недели спустя все изменилось.

Опоздав как обычно с выходом, я сделал из местного костюма удобный жакет и вышел на улицу, малец бесился как обычно, но добавилось новое действующее лицо, один взгляд на которое заставило меня вздрогнуть. Одетый в добротный охотничий костюм, стоявший человек может быть чуть старше моего возраста олицетворял собой спокойствие и величие, не показное и напускное, как некоторые пытались изобразить, а истинное.

– «Я попал», – понял я сразу.

Мое пророчество сбылось тут же. Едва глянув на меня и увидев, что я не отвожу глаз, продолжая спокойно смотреть на него, хотя внутри у меня все вздрагивало от страха, он произнес всего три слова, затем просто повернулся и ушел.

От этих слов вздрогнули все, а малец радостно оскалился и повторил их палачу.

– Пятьдесят плетей...каждому.

Две ночи подряд мне пришлось притворяться спящим, когда большая часть из казармы поправилась. На третий день сон сморил меня, за что тут же последовала расплата. На меня накинули одеяло и забили табуретами.

Полгода спустя. Дворец императора.

– Брат, ну помоги, пожалуйста! Ну хочешь я опять скажу отцу, что ты был этой ночью в моей комнате и учил меня?!

– Я занят, – отрезал второй не наследный принц, скучающе смотря на прогуливающихся по двору фрейлин.

– Тогда я расскажу ему, где ты был полгода назад! – попытался было шантажировать брата юнец. Но сразу осекся от одного его взгляда.

– Тебе ничего же не стоит, ты так хорошо придумал прошлый раз! Сегодня его выпускают.

– Ты сделал первую ошибку, когда позвал целителя, – принцу было наплевать на разборки младшего с каким-то северным варваром. Он встречался с этим типом людей и знал, что всегда проще таких убить, чем заставить силой делать по-своему. Малец же пытался что-то доказать, раз за разом вытягивая того из когтей смерти. Целители дворца уже шарахались от младшего принца, когда тот вбегал очередной раз во дворец с ищущим взглядом.

– Точнее это была твоя вторая ошибка, первую ты совершил, когда не понял, что его проще было оставить умирать после первых двух раз ослушания, а не давать ему выздоравливать.

– Но брат...он роняет мой авторитет, точнее наш!

Брат хмыкнул, подмигнув новенькой красотке, что появилась в окружении герцогини Жанар. Девушка гордо проигнорировала его фривольное поведение, еще даже не зная, что её ждет. Принц всегда получал то, что хотел. Именно за это качество, а также его ум наследный принц, его старший брат, обращался к нему по деликатным просьбам, которые не в силах было поручить никому другому.

– Ты сам выступаешь себя желторотым юнцом, связавшись с характером и волей северного варвара, – принц встал и направился к выходу, пора было завести знакомство с понравившейся ему красоткой.

– Ну брат, пожалуйста! – едва не заплакал младший.

– Через пару лет, закончится их общее обучение, – сжалился наконец старший, остановившись всего на секунду, – потом начнется что?

Младший мучительно думал, затем лицо его озарила радостная улыбка.

– Кураторы!

– Молодец, – похвалил его брат и вышел.

Младший принц радостно улыбаясь, понял, как можно будет наказать строптивую дылду, одним своим независимым видом приводившего его в бешенство.

Плац перед казармой

Слушая весь тот пафосный бред, что несли выпускники казармы, у меня едва не сворачивались в трубочку уши. Оказалось, что этот год был всего лишь проверкой для всех, кто готовился по-настоящему учиться и стать офицером. Те два, теперь уже простолюдина, кото-

рые ушли от нас, действительно были недостойны. Об этом, а еще о том, что мы поступаем на обучение в императорскую академию нас и уведомили сегодня, когда выстроили на плацу. Также нас поздравили, что мы прошли учебный год с честью.

Теперь всем дали по возможности произнести короткую речь, так что вот уже час я слушал весь тот бред, что они несли.

– Виконт дю Вaley.

Я не сразу расслышал свое имя, увлеченный своими мыслями, поэтому герцогу-наставнику пришлось произнести его дважды. Я сначала хотел отказаться, но значительно подросшая темная часть, что теперь прочно занимала какую-то часть меня, внезапно встрепенулась. Я вспомнил и уборку конюшен и мытьё полов, все то, что приходилось делать, чтобы остаться в живых. После второго наказания всей казармы, по словам целителя, я только чудом остался жив. Можно было умереть и не поддаваться дальше, но темный комочек в глубине души, подсказал мне другой путь, теперь он же хотел выступить.

– Стадо трусливых шакалов, – начал я свою речь, повергнув в шок сразу всех присутствующих. Из всех взглядов, устремленным на меня, только один был заинтересованным и это был тот парень, что подсказал принцу верный путь, как меня сломать.

– Я запомню и этот день и всех вас. Я знаю вас всех и придет тот день, когда я спрошу вас за вашу трусость. И тебя граф Валенсо, и тебя виконт де Шарон и тебе не стоит прятать трусливый взгляд барон Ронье. В гробовой тишине я перечислил поименно всех, кто был со мной, не забыв никого. Даже тех двух, что сдались после второго наказания и поучаствовав лишь в первом моем избиении, ушли восвояси опозоренные и без чести.

Императорский дворец

– Слушай Римми, – не наследный принц поймал младшего за руку, – хочешь получить тот арбалет, что ты выпрашиваешь у меня вот уже пять лет?

Глаза у мальчика загорелись похлеще факелов.

– Кого нужно отравить или предать? – попытался пошутить он.

– На самом деле мне всего лишь мне нужен тот, твой буян, я хочу его себе.

Брат сразу нахмурился и сжал губы, отрицательно помахав головой, хотя было видно, что толедский арбалет ему хочется больше всего в жизни.

– Жаль, нет так нет, – второй принц пожал плечами, – а то я хотел к нему в придачу и кинжал подарить, с накопителем. Был у меня один такой, с красным камнем.

Это был удар ниже пояса. Кинжал, стоимость которого зашкаливала за цену небольшого баронства, был мечтой всех без исключения воинов-магов. Иметь оружие, которое могло в нужный момент провести магию, было настолько престижно, что единственное, что останавливало от его покупки, так это его стоимость. В продаже были несколько таких вещей, но копили на них даже не годами.

– Но это же твой кинжал, ты столько хотел его получить, – невнятно пробормотал младший, у которого от одной только мысли, что он станет обладателем такой вещи, мысли уносили в далекие дали.

Принц прижал руки к сердцу и пафосно произнес.

– Что делать, я так его хотел отдать брату, но тот слишком горд, чтобы смирить свои амбиции.

Видя, что малец колеблется между гордостью и жадностью, брат добил его.

– Мне тут фрейлина нашептала один секрет баронессы Ирской, что узнав его, можно рассчитывать на её расположение.

Удар был безупречный. Мало кто знал, что младший сын императора тайком и украдкой следит за юной баронессой, старше себя на пять лет. К сожалению она всегда сухо отвечала на его попытки сблизиться, считая его пока слишком молодым, чтобы можно было как-то влиять

на императорскую семью. Конечно, когда ему исполнится лет двадцать, то она сама раздвинула бы перед ним ноги, но вот пока у его молодости были свои недостатки.

– Хорошо, – буркнул он, – пусть будет по-твоему. Надеюсь, ты знаешь, за что отдаешь такие богатства.

Малец не видел, как второй принц хмыкнул, услышав такие слова. Арбалет и кинжал надоели ему в тот же миг, как только он их получил. Принцу нравилась охота, слеживание и ... поймав момент, он наносил всего лишь один удар, который всегда был верен. Он потому и достигал всегда своих целей, что придерживал нужные ресурсы до нужного момента, ведь он мог еще пять лет назад отдать брату ненужный ему арбалет, но подождав всего лишь несколько лет, он заставил брата отступить от своей мести и поступится гордостью, чем не еще одна победа?

Принцем давно уже владела скука, а этот новый экземплярчик его здорово сегодня раззадорил.

– «Интересно, получится сделать из него свою тень?», – думал принц, шагая за братом в свои покои, чтобы отдать обещанные вещи. Он уже давно искал себе слугу, чтобы тот мог выполнять однообразные и быстро приевшиеся просьбы старшего брата. Шантажируй одного, отрави другого, соблазни третью. Все давно приелось и надоело, ему нужен был тот, кто будет предан ему как раб, но в тоже время мыслит самостоятельно и был независим от суждений других. Пока ему не попадались подобные экземпляры, хотя вот этот, явно имел перспективы.

Личная комната

Руки дрожали и я никак не мог вскрыть конверты, когда нас заселили в личные комнаты, отдали все вещи, оружие и личную почту, которая копилась весь этот год. Мне достались три плотных кожаных конверта, я просил управляющего присылать мне весточки из дома именно в них.

Год был труден и я не раз был на грани жизни и смерти, но каждый раз мне не давала умереть всего лишь одна мысль и образ.

Шепча каждый раз: – «Натали. Натали. Натали». Я находил в себе силы подниматься с колен. Образ жены словно путеводная нить освещала мне путь и я просто смотрел на него, шагая вперед. Чувства, поселившиеся в моем сердце становились все сильнее и ярче, я не мог контролировать их, все что я хотел, увидеть её. Прикоснуться, рассказать, как сильно я её люблю и возможно... пусть даже возможно она станет чуть благосклоннее ко мне.

Очень часто ночью я лежал и представлял, как мы держась за руки гуляем по поместью, как она смеются в ответ на мои шутки, как хватается за меня, когда случайно споткнется. Мысли туманили мне голову, заставляя возбуждаться, так что еще долгие минуты потом я не мог привести себя в порядок.

Бросив кинжал, я рванул конверт зубами, сразу последний, я решил начать с него. Он датирован был всего лишь месячной давностью, а следовательно содержал более свежие данные.

Читая его, я мрачнел все больше. Барон Жерар поселился в моем доме и теперь все время проводит с моей женой. Они прилюдно гуляли держать за руку, также слуги не однократно видели, как покрасневшая Натали, убегала от смеющегося барона. Я в недоумении посмотрел на красные пятна, падающие на письмо и только потом заметил, что с такой силой сжал пальцы в кулак, что ногтями повредил кожу.

– Гребанный ублюдок, – выплюнул я оскорбление, ревность обжигающим кипятком плеснула мне в сердце. Мечты, что я лелеял, были разбиты всего одним поганым выродком. Я еще раз прочитал фразу «держась за руки» и ком подступил к горлу. Хотелось выть. Темная сущ-

ность довольно шевельнулась и мне показалось, или это было на самом деле, она стала чуточку больше.

Два первых письма я не стал читать, отправив их в камин как и последнее. Если жена преступит свою клятву мне, а также клятву данную перед Богом в день нашего венчания, я не занял как мне быть. Заснуть я так и не сумел, ужасные мысли мучали меня, я представлял её в руках барона, и ярость захватывала меня вновь и вновь.

Утром, угрюмый и не выспавшийся я пошел на построение.

Высокий человек, в аляпистых одеждах немыслимой раскраски гордо произнес.

– Поздравляю вас, вы теперь студенты имперской академии. Я его ректор, полный боевой магистр граф де Жюли.

– «Как-то он несолидно выглядит для бойца, – подумал я, но само собой свои мысли придержал при себе. Хватило первого посвящения».

Тем временем тип задвигал хвалебные речи императору, а также себе самому и академии. Не забыл перечислить всех выдающихся выпускников, и чем мы будем заниматься. Я сразу же простил ему и нелепую одежду и то, что мы простояли на солнцепеке почти три часа. Оказывается из нас действительно будут делать офицеров, а это обязательно изучение чтения, написания, танцев, джигитовки, фехтования и полный курс хороших манер.

– «Мечты сбываются, – хмыкнул я, – стоило потерпеть все эти месяцы».

Три месяца спустя

Слезы текли по щекам, но я так и сидел с письмом в руках, не пытаясь что-то сделать. Туго бившееся сердце с трудом прогоняло кровь по телу, мне казалось, что оно сжалось до размера горошины, так тяжело было дышать. В письме, что пришло мне сегодня, управляющий как мог, стараясь избежать прямых намеков, но все же писал, что барон и моя жена уехали в его поместье, не сказав когда вернуться. Хотя прямых доказательств по-прежнему не было, я хватался, как утопающий хватается за плавающий листок, за это обстоятельство. Гоня от себя подозрения, но в тоже время признаваясь самому себе, что только глупец способен поверить в верность при таких событиях.

Прошло две недели

Барон, похотливо улыбаясь берет у молчаливой Натали руку и начинает её целовать. Он дотрагивается до неё губами, целуя все выше и выше. Вторая рука тем временем ложится к ней на талию и начинает поглаживать сначала спину, затем плечи. Внезапно он резким рывком разрывает ей платье и гадко мне ухмыляясь, хватается её правой рукой за белоснежную грудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.